

Глава четвертая.

Фабрично-инспекторскія обязанности съ 1-го Окт. 1887 г.—Утвержденіе различныхъ фабричныхъ документовъ.—Фабричныя Присутствія.—Отставка Н. Х. Бунге и назначеніе Министромъ И. А. Вышнеградскаго.—Предположенное превращеніе фабричныхъ инспекторовъ въ «становыхъ приставовъ». — Ругательная литература 1886—87 г.г.: Сергій Шарановъ, Ө. П. Гиляровъ-Платоновъ и Н. П. Ланинъ.—Отчетъ-ислѣдованіе акад. В. П. Безобразова. — «Нѣтъ никакого просвѣта!» — Моя отставка и возвращеніе въ «первобытное состояніе». — Заключение и общіе выводы.

По закону 3 Іюня 1886 г., вступившему въ силу только съ 1 Октября того же года, на фабричную инспекцію, независимо отъ обязанности по надзору за исполненіемъ постановленій о работѣ и обученіи малолѣтнихъ рабочихъ, возлагались еще цѣлыхъ 5 обязанностей, крайне сложныхъ и разнообразныхъ: двойкаго рода административная по п.п. а) и б), примирительная по пункту г), обвинительная по пункту д) и наконецъ контрольная по пункту в) — разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ, табелей, росписаній и правилъ внутренняго распорядка. По одному лишь послѣднему пункту для фабричнаго инспектора создана была, особенно въ началѣ, при введеніи закона, огромная, можно сказать, прямо непосильная работа. Каждая большая фабрика представляла многіе десятки, чуть не сотни вышеуказанныхъ документовъ: всѣ ихъ надо было провѣрить, согласовать съ закономъ, а между тѣмъ, если не всѣ, то многія фабрики обнаруживали, не скрывая тенденцію, умышленно или невинно обойти законъ, или внести въ разнообразныя запрещенія закона какое-нибудь свое дозволеніе или разрѣшеніе. Инспектору надо было внимательно и осторожно перечитывать всякій документъ: не можетъ ли онъ какъ-нибудь быть

истолкованъ въ видахъ обхода закона и сдѣлаться, можетъ быть, навсегда дурнымъ прецедентомъ?! Огромныя кипы табелей заработной платы для развѣшиванія во всѣхъ разнообразныхъ мастерскихъ какой-нибудь громадной фабрики Морозовыхъ и харчевыя расцѣнки фабричныхъ лавокъ, представляемыя ежемѣсячно, требовали сугубой внимательности, а иногда и предварительныхъ справокъ о цѣнахъ на мѣстѣ *). Къ особенно долгимъ спорамъ часто вели послѣднія расцѣнки. Комиссія Плеве, вырабатывавшая законъ, имѣла въ виду по возможности беречь заработокъ рабочаго отъ излишнихъ тратъ не по средствамъ, которыя могли бы поглотить, какъ мы видѣли случаи въ моихъ отчетахъ, все, что онъ зарабатываетъ и даже, пожалуй, съ остаткомъ долга фабриканту. Поэтому Комиссія дала право инспекціи исключать въ расцѣнкахъ, что инспекторъ найдетъ чрезмѣрнымъ по цѣнѣ, или излишнимъ по своему назначенію и притомъ исключительно по отношенію къ продуктамъ, отпускаемымъ въ кредитъ. Между тѣмъ все это выражено было въ окончательномъ законѣ крайне неясно и неполно и потому вело постоянно къ спорамъ и недоумѣніямъ (п. 28 Правилъ о надзорѣ). Обратнo съ первоначальной редакціей, какъ мы ее вырабатывали съ В. К. Плеве, послѣдняя редакція закона явилась въ такой несовершенной и произвольной формѣ, съ столь неточнымъ языкомъ въ изложеніи, что даже допущенъ былъ неизвинительный, по моему убѣжденію, капризъ толкованія, вродѣ словъ „и т. п.“ (п. 27 Правилъ о надзорѣ), что испортило мнѣ лично много крови въ сношеніяхъ и объясненіяхъ съ представителями разныхъ фабрикъ!

Инспектору (т. е. въ данномъ случаѣ для Московской губерніи, мнѣ съ докторомъ Рахмановымъ на 2000 фабрикъ) представлялись на разсмотрѣніе многими сотнями столь важные документы, какъ „расчетныя книжки“, образецъ которыхъ хотя и былъ утвержденъ Губернскимъ Фабричнымъ Присутствіемъ, но которыя долго отличались большимъ разнообразіемъ, иногда на одной и той же фабрикѣ, „правила

*) Добавимъ къ этимъ неудобствамъ, что въ средней Россіи существуютъ многія и даже крупныя фабрики въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ разстоянія отъ желѣзныхъ дорогъ!..

внутренняго распорядка“, „табели денежныхъ взысканій“ по тремъ категоріямъ, разрѣшенные вычеты изъ заработка рабочихъ на разныя учрежденія и т. д. и т. д. Всю эту разнообразную массу документовъ разсматривалъ или утверждалъ инспекторъ, такъ сказать, на свою совѣсть и голову, ибо послѣдствія ошибки могли повести за собой значительную неприятность или для фабрики, или для рабочихъ. По нѣкоторымъ пунктамъ предварительно нужно было собирать (напр., о цѣнахъ припасовъ) мѣстные справочныя цѣны главнѣйшихъ припасовъ (хлѣба, мяса, крупы, керосина и т. п.) и пересматривать сотни заборныхъ книжекъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи, чтобы опредѣлить размѣръ обычныхъ потребностей рабочихъ.. Первое время, пока не приспособились, все это должно было вести, конечно, къ нескончаемымъ спорамъ, разъясненіямъ и недовольству со стороны представителей фабрикъ, непривыкшихъ къ какому-либо вмѣшательству въ ихъ хозяйственныя дѣла. Все имъ представлялось произвольной выдумкой или придижкой со стороны инспектора, и весьма часто приходилось подкрѣплять свои требованія непосредственнымъ прямымъ чтеніемъ соответствующей статьи закона. Но тутъ то и обнаруживалось все зло дурной неточной редакціи нашего закона, допускающей столь часто толкованіе „и вашимъ и нашимъ“!!

Д-ръ Рахмановъ, исполнявшій въ Московской губерніи съ перваго Мая 1886 года мои обязанности инспектора, вслѣдствіе моей командировки въ Царство Польское, очутился уже съ начала Августа въ затруднительномъ положеніи: со множества фабрикъ обращались къ нему и притомъ неоднократно съ письмами и запросами по поводу разъясненія того или иного пункта и правилъ новаго закона. Сверхъ того, къ нему начали поступать тысячи упомянутыхъ выше табелей и таксъ на утвержденіе. Будучи знакомъ съ новымъ закономъ исключительно лишь по его тексту и моимъ летучимъ разсказамъ о засѣданіяхъ Коммисіи, Рахмановъ весьма часто затруднялся въ толкованіи и примѣненіи тѣхъ или иныхъ пунктовъ и обращался за разъясненіями ко мнѣ письмами или даже телеграммами, которыя блуждали за мной по Царству Польскому и за границей. Фабриканты требовали

всѣхъ этихъ утвержденій поскорѣй, забывая силы человѣка, и угрожали нерѣдко чуть не бунтомъ рабочихъ и тысячными потерями для себя!... Все это привело къ ускоренію мною окончанія Польской экспедиціи и возвращенію въ Москву уже въ Сентябрь, чтобы выручить Рахманова и осуществлять самому законы, близкіе моему сердцу, въ виду значительнаго участія при ихъ выработкѣ.

Возвратившись въ Москву, я нашелъ бѣднаго д-ра Рахманова совершенно усталого и измученнаго отъ непосильной работы, вызванной новымъ закономъ. Я тотчасъ же и самъ окунулся въ эту жизнь. Съ утра до вечера слышались у меня звонки и являлись люди въ видѣ довѣренныхъ съ фабрикъ, или сами хозяева съ цѣлью торопить насъ возвращеніемъ ихъ многочисленныхъ бумагъ, уже утвержденныхъ или просмотрѣнныхъ, чѣмъ мы буквально цѣлыя ночи съ Рахмановымъ занимались. Всѣ пришедшіе фабриканты или ихъ довѣренные были обыкновенно нервно настроены, торопились и торопили насъ: сдѣланныя нами исправленія тѣхъ или иныхъ правилъ, табелей или таксъ, смотря по характеру просителя, скромно или дерзко называли для себя неудобными или нежелательными, а иногда прямо объявляли, что не желаютъ подчиняться! Это, напримѣръ, сдѣлалъ старый самодуръ Ланинъ, приславшій мнѣ соответствующее заявленіе черезъ Оберъ-Полицеймейстера, по поводу котораго я долженъ былъ долго обдумывать и совѣтоваться съ юристами, какъ въ данномъ случаѣ поступить? Большинство, впрочемъ, было сговорчивѣе и ограничивалось только просьбой поторопиться, что было труднѣй исполнить, нежели сказать. Чтобы нѣсколько регулировать наплывъ этой публики и свой трудъ сдѣлать возможнымъ, такъ какъ намъ постоянно мѣшали работать вновь пришедшіе, я назначилъ спеціальныя пріемные дни для фабрикантовъ — воскресенье и четвергъ, позднѣе и понедѣльникъ. Но эти пріемы дѣлали невозможнымъ существованіе всѣхъ моихъ домашнихъ въ пріемные дни, да и мало уменьшали наплывъ посѣтителей въ другіе дни недѣли. Всѣ комнаты моей квартиры наполнялись людьми, не находившими иногда даже мѣста, гдѣ присѣсть, и всѣ домашніе спасались въ спальню; прислуга ворчала, что

„такъ жить невозможно“: — „фабриканты ходятъ табунами“, — по ея выраженію, — и ни минуты нѣтъ покоя“... „Воскресенье и понедѣльникъ“, — писала моя жена своимъ родителямъ въ Ноябрь 1886 года, — „мы вытѣсняемся изъ квартиры, которая вся наполняется фабрикантами, приходящими за объясненіями, такъ что Параша (наша прислуга) то и дѣло перенутиваетъ пальто и калоши и еще болѣе увеличиваетъ всеобщую суматоху“!...

О той же суматохѣ сообщаю и я самъ въ письмѣ къ Я. Т. М-му еще отъ 2-го Окт. 1886 года: „Каждый день“, — пишу я, — „меня съ утра до вечера осаждаютъ фабриканты десятками писемъ и запросовъ: я превратился въ скорописную машину, но все-таки не успѣваю всемъ отвѣтить. Нанялъ на свой счетъ двухъ письмоводителей; жена пишетъ съ утра до вечера, и конца этому писанію не предвидится... Засѣданія въ 2-хъ Присутствіяхъ происходятъ чуть не каждый день: въ одномъ — губернскомъ, я по закону сверхъ того еще дѣлопроизводитель, слѣдовательно, долженъ вести протоколъ, разсылать повѣстки, а гдѣ у меня канцелярія и разсылный?! *). Пока Губернаторъ взялъ на себя послѣднее, т. е. разсылку, но съ условіемъ, чтобы я хлопоталъ скорѣе у Министерства денегъ на наемъ себѣ писцовъ и разсылныхъ, а скоро ли этихъ дождешься? По требованію Губернатора, я ему завтра долженъ объ этомъ подать особую записку, а пока дѣлай все какъ хочешь!! Пожалуйста научите, какъ мнѣ тутъ поступить? Вѣдь въ Московской губерніи фабрикъ около 2000, столько же значитъ правилъ внутренняго распорядка и гораздо большее число табелей, расцѣнокъ, которыя я долженъ утверждать и многія притомъ ежемѣсячно — на какія же средства прикажете все это дѣлать?“

*) По этому поводу вотъ что говорится въ письмѣ жены къ ея родителямъ отъ 14 Окт. 1886 г.: «Лв. Ив. черезъ день засѣдаетъ то въ Губернскомъ, то въ Столичномъ Фабричномъ Присутствіи, а дома его осаждаютъ фабриканты, относительно которыхъ Параша съ основаніемъ выражается, что они «ходятъ табунами». Предполагается устройство канцеляріи съ двумя писцами, а то я скоро обращусь въ совершеннаго протолиста. Всякое хозяйство заброшено, кухарка дѣлаетъ, что хочетъ»...

Я въ совершенномъ отчаяніи: создали новыя обязанности, а о средствахъ какъ исполнять — забыли“!.. *).

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 6 Октября я благодарю Главнаго Инспектора за сообщенное имъ намѣреніе дать мнѣ лѣтомъ двухмѣсячный отпускъ, чтобы поѣхать за границу полечиться и отдохнуть отъ моей утомительной работы. „Трудная и тяжелая жизнь моя въ настоящее время невольно заставляетъ высоко цѣнить всякое къ себѣ сочувствіе. Ваше доброе сердце подало Вамъ мысль о необходимости беречь мои силы и заботиться о здоровьѣ, и правда никогда еще такой совѣтъ въ моей жизни не былъ болѣе умѣстенъ и нуженъ... Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду я не имѣю и мѣсяца отдыха: два лѣта одно за другимъ — усиленные разъѣзды и заботы, тогда какъ мои товарищи въ это время набираются силами; это лѣто мои надежды на отдыхъ, благодаря польской командировкѣ, улетучились: заграничная поѣздка была такъ коротка, что промелькнула какъ сонъ, да тутъ еще замѣшалась и болѣзнь жены... Я какъ-то весь опустился это лѣто и всѣ находятъ, что постарѣлъ и прибавилось морщинъ... А между тѣмъ: 1) я долженъ въ 12 Января приготовить Актовую рѣчь; 2) долженъ читать 4 часа лекцій; 3) еженедѣльно присутствовать и участвовать въ главной роли въ двухъ Фабричныхъ Присутствіяхъ; 4) ежедневно читать, соображать, измѣнять и утверждать по нѣсколько десятковъ, если не сотенъ, правилъ, табелей, таксъ и т. д.; 5) долженъ еженедѣльно не менѣе 3 разъ принимать, толковать, усовѣщевать, а иногда упрашивать не менѣе какъ сотню (!) московскихъ фабрикантовъ и 6) долженъ, наивозможно чаще, посѣщать фабрики и заводы не только Московской, но и Тверской губерніи... и долженъ дѣлать еще многое другое.. А отчетъ о польской поѣздкѣ!... Кстати, что мнѣ дѣлать теперь съ Тверской губерніей: какъ я буду уѣзжать на недѣлю изъ Москвы, когда меня

*) Въ этомъ письмѣ приводится слѣдующій любопытный подсчетъ пути, сдѣланнаго мною для исполненія закона за одинъ 1885 годъ, а именно: 110 верстъ на пароходѣ, 946 в. по грунтовымъ дорогамъ и 2840 по желѣзной дорогѣ, итого 3890 верстъ, не считая разъѣздовъ, иногда довольно отдаленныхъ по фабрикамъ г. Москвы.

здѣсь разрываютъ на части? Вѣдь безъ особеннаго утвержденія Министра Д. М. Рахмановъ даже не можетъ меня замѣнять въ Присутствіяхъ, а между тѣмъ возможно, и весьма даже, ихъ совпаденіе въ одинъ день. Новые помощники—только для Московской губ., а между тѣмъ для меня, при страшномъ прибавленіи обязанностей, остается та же Тверская губернія, куда все-таки надо же ѣздить самому, я помощниковъ не имѣю права посылать... Вѣдь это выходитъ довольно курьезно, не правда ли? Пожалуйста сообщите Ваше мнѣніе, какъ съ эгимъ всемъ устроиться?... „Весьма благодаренъ Вамъ“, продолжаю я свое письмо, „и за переводъ Рахманова изъ Калуги въ Москву и за назначеніе, наконецъ, 4 помощниковъ, изъ коихъ нѣкоторые мнѣ извѣстны. Рахмановъ—просто драгоценный для меня человекъ, при всѣхъ его маленькихъ странностяхъ, и я право не знаю, что бы сталъ дѣлать безъ него—просто волкомъ бы завылъ. Мало того, что онъ умѣетъ необыкновенно много и долго работать, когда нужно, но еще не теряетъ при этомъ хорошаго настроенія духа и невольно меня бодритъ. Утромъ принимаетъ фабрикантовъ у меня и вмѣстѣ со мной, вечеромъ у себя, да какъ-то успѣваетъ въ промежуткѣ посѣщать фабрики: третьяго дня онъ едва не составилъ актъ у Дютфуа и только я просилъ его повременить и не увеличивать и безъ того непосильной нынѣ кучи заботъ“...

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 17 Ноября) Михайловскому я сообщаю ему о появленіи у меня, наконецъ, давно желанныхъ 4 помощниковъ (г.г. Литке, Кастальскаго, Никитинскаго и Федорова), о впечатлѣніи, которое они на меня произвели, и о томъ дѣленіи, которое я съ ними проектирую, фабрикъ Московской губерніи для ихъ будущихъ обязанностей. Къ этому добавляю маленькій проектъ контроля за новыми помощниками—по образцу англійскаго—краткій субботній еже-недѣльный отчетъ о всемъ сдѣланномъ за предыдущее время. Далѣе передаю объ открытіи, согласно новому закону, упомянутыхъ Фабричныхъ Присутствій, о характерѣ ихъ дѣятельности и о томъ, что, къ сожалѣнію, опасенія относительно замѣны представителей земства и города въ этихъ

Присутствіяхъ фабрикантами вполнѣ оправдались. Очевидно, хлопоты А. Г. Неболсина по этому поводу или запоздали, или были безуспѣшны. „Фабричныя присутствія“, писалъ я въ этомъ письмѣ, „оба открылись и увы! два члена отъ Мануфактурнаго Совѣта — фабриканты изъ худшихъ (Санинъ и Кольчугинъ) лютуютъ и старательно портятъ законъ! Губернское Присутствіе открылось сначала по буквѣ закона лишь съ представителями города и земства, а затѣмъ внезапно пришло увѣдомленіе отъ Департамента и назначеніе тѣхъ же двухъ фабрикантовъ и туда... Оба присутствія въ лицѣ предсѣдателей уже враждуютъ: вице-губернаторъ (замѣняющій губернатора) въ Губернскомъ Присутствіи рѣшительно сталъ на сторону толкованія закона въ пользу рабочихъ, а потому оберъ-полицеймейстеръ, предсѣдатель Столичнаго Присутствія, — въ пользу фабрикантовъ... Въ результатѣ постановленное въ одномъ присутствіи отмѣняется въ другомъ и то, что считается нарушеніемъ закона внѣ города Москвы и влечетъ протоколъ (напр. освѣщеніе на счетъ рабочихъ, а не хозяевъ), въ столицѣ считается вполнѣ законнымъ и, слѣдовательно, безнаказаннымъ... Я просто нѣсколько разъ приходилъ въ отчаяніе и хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ объяснить съ обоими Министрами, т. е. съ Плеве и Бунге, какъ авторами закона. Пока рѣшилъ надняхъ составить по этому поводу записку и послать въ Департаментъ“...

Дѣйствительно я очутился въ довольно трудномъ положеніи, какъ этого и опасался, благодаря описанному появленію двухъ фабрикантовъ въ Фабричномъ Присутствіи, тогда какъ представители рабочихъ, разумѣется, отсутствовали и это послѣднее, конечно, весьма затрудняло мнѣ успѣшное веденіе ихъ дѣлъ. Въ тотъ короткій періодъ, который я оставался инспекторомъ послѣ приведенія въ дѣйствіе закона 3 Іюня 1886 года (менѣе одного года), въ обоихъ фабричныхъ присутствіяхъ разсматривались дѣла исключительно въ интересахъ рабочихъ (т. е. по поводу, ближайшимъ образомъ, ихъ интересовъ), и всегда г.г. члены Мануфактурнаго Совѣта были противъ, какъ бы правда ни стояла цѣликомъ на сторонѣ рабочихъ!... Помните

мнѣ только одинъ разъ Кольчугинъ,—вообще болѣе корректный человекъ, нежели Санинъ—типъ неумолимаго представителя карманныхъ интересовъ г.г. фабрикантовъ вродѣ Найденова—оказался на моей сторонѣ, за что тутъ же получилъ нещадную головомойку отъ своего товарища! Я, какъ докладчикъ, былъ въ то же время какъ бы представителемъ и защитникомъ всякаго дѣла, а потому, разумѣется, употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы привлечь изъ обычнаго числа 6 членовъ Присутствія большинство на свою сторону. Постояннымъ моимъ союзникомъ былъ почтеннѣйшій прокуроръ П. Н. Обнинскій, не только всегда стоявшій и говорившій за рабочихъ въ Присутствіяхъ, когда многочисленныя занятія ему не мѣшали ихъ посѣщать, но и писавшій, какъ извѣстно, много о нихъ и о дѣлахъ нашихъ Присутствій въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“. Затѣмъ очень часто былъ моимъ союзникомъ, что многимъ можетъ показаться страннымъ, жандармскій генералъ Середа, страшный для тогдашнихъ борцовъ за освободительныя идеи *). Справедливость требуетъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ онъ всегда стоялъ за правую сторону, какой во всѣхъ дѣлахъ, утверждаю, за тотъ годъ были только рабочіе. Къ сожалѣнію, онъ не часто посѣщалъ засѣданія Присутствія, а потому передъ особенно важными (да простятъ мнѣ боги!) засѣданіями я заѣзжалъ предварительно къ нему лично подготовить къ дѣлу и просить явиться въ засѣданіе!! Предсѣдатель, т. е. губернаторъ Перфильевъ и оберъ-полицеймейстеръ Козловъ были измѣнчивы и на ихъ мнѣніе нельзя было вполнѣ разсчитывать ни въ одномъ самомъ вѣрномъ дѣлѣ. Худшимъ же для меня предсѣдателемъ, особенно часто подозрѣвавшимъ моихъ помощниковъ въ излишней „краснотѣ“, и доставившимъ мнѣ нѣсколько разъ непріятныя минуты, былъ извѣстный губернаторъ, замѣнившій Перфильева, князь Голицынъ, прославившійся въ позднѣйшее время, уже въ качествѣ Московскаго городского головы, наоборотъ, своимъ либерализмомъ.

Важную новость сообщаю я въ ближайшемъ письмѣ къ

*) Обычная шутка старика, когда я, посѣщая его, встрѣчалъ какое-либо неизвѣстное мнѣ лицо, была: «Рекомендую Вамъ профессора, съ которымъ я занимаюсь социализмомъ!»

Михайловскому отъ 23 Декабря 1886 года: „Баторжная жизнь, которую я веду съ 1 Октября, почти уничтожила для меня всякую возможность корреспонденціи: цѣлый день вертисься въ разговорахъ то съ фабрикантами, то съ рабочими, то съ исправленіемъ и подписываніемъ безчисленныхъ правилъ, табелей, расцѣнокъ etc. etc. Сегодня для меня Свѣтлый Праздникъ раньше Праздника: я выигралъ въ Фабричномъ Присутствіи въ теченіе одной недѣли третью жалобу, на меня поданную, все по одному и тому же предмету — присвоеніе фабрикантами штрафовъ, мною по возможности изгоняемыхъ изъ ихъ Правиль. Спасибо Присутствію: оно нѣсколько ободряетъ меня на трудномъ и тернистомъ пути, по коему приходится слѣдовать; даже съ фабрикантами по-немножку сходимся и, кажется, примиряемъ ихъ съ закономъ: недавно у меня было собраніе въ кабинетѣ представителей семи крупнѣйшихъ мануфактуръ и я вызвался ходатайствовать для нихъ передъ Присутствіемъ по одному вопросу“...

Далѣе то же письмо сообщаетъ объ окончаніи моей первой работы о Польшѣ и затѣмъ содержитъ запросъ о петербургскихъ новостяхъ. До меня дошли слухи о выходѣ въ отставку Н. Х. Бунге и о замѣнѣ его Вышнеградскимъ, котораго я совсѣмъ не зналъ, хотя однажды въ жизни видѣлъ его — на университетскомъ юбилеѣ въ Кіевѣ. Я не предвидѣлъ еще въ ту минуту, что мое инспекторское дѣло близится къ скорому окончанію и что всѣ благія начинанія установить въ Россіи правильное разрѣшеніе рабочаго вопроса и дать закономъ мирное русло для его теченія скоро разсынятся прахомъ!.. Человѣческая близорукость и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ, не вѣдала, что творила: если бы всѣ эти дѣльцы, какъ Ермаковъ, Вышнеградскій, Найденовъ и другіе, которые постарались такъ усердно и скоро повернуть это теченіе съ его законнаго русла или засыпать его, могли предвидѣть, что сдѣлается результатомъ ихъ стараній, — ту страшную смуту, обѣднѣніе и упадокъ несчастной Россіи, который мы въ настоящее время переживаемъ, то, разумѣется, они ужаснулись бы своему дѣянію!!?..

Слухъ объ отставкѣ Бунге, къ сожалѣнію, немедленно оправдался: въ то же время въ газетахъ появилось извѣстіе и о назначеніи на его мѣсто И. А. Вышнеградскаго, извѣстнаго профессора и стараго дѣльца — такова была, по крайней мѣрѣ, о немъ ходячая молва въ обществѣ. Я почти тотчасъ же узналъ отъ И. Д. Слободчикова, предсѣдателя казенной палаты, что новый Министръ отклоняетъ всякія попытки главнѣйшихъ провинціальныхъ чиновъ его вѣдомства являться къ нему для представленія и уже де объявлено, что будетъ знакомиться со всѣми постепенно на дѣлѣ...

12 Января 1887 года (въ Татьянинъ день) происходилъ обычный Торжественный Актъ въ Московскомъ Университетѣ. Множество народа едва помѣщалось въ огромной круглой аулѣ Университета. Въ этомъ году была моя очередь читать рѣчь и темой я выбралъ извѣстный уже намъ по вышеприведенному краткому изложенію „Историческій Очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ“. Модная тема привлекала всеобщее вниманіе и многочисленная публика терпѣливо выслушала полуторачасовую рѣчь. Еще во время чтенія я замѣтилъ запоздаващаго и прошедшаго въ первые ряды грузную фигуру почтеннѣйшаго городского головы Николая Александровича Алексѣева. Я былъ съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, какъ съ наиболѣе корректнымъ, по своимъ образцовымъ отношеніямъ къ рабочимъ, изъ фабрикантовъ Московской губерніи. Мы съ нимъ видались нерѣдко и въ обществѣ и въ разныхъ учрежденіяхъ и вообще относились другъ къ другу дружественно: я до сихъ поръ вспоминаю съ глубокимъ сожалѣніемъ о трагической кончинѣ этого замѣчательно талантливаго русскаго челоуѣка и считаю ее большой потерей для Москвы... Когда рѣчь кончилась, Алексѣевъ, подойдя ко мнѣ, поздравилъ по обычаю съ праздникомъ (Татьянинимъ днемъ) и шепнулъ, чтобы я не торопился уходить, что ему надо со мною поговорить..

„Мнѣ очень Васъ прискорбно огорчить въ день Вашего праздника и послѣ торжества Вашей рѣчи“, сказалъ Алексѣевъ, когда мы съ нимъ отошли въ сторону, „но я считаю долгомъ Васъ предупредить, чтобы Вы приняли это къ

свѣдѣнію: новый Министръ Финансовъ сильно предубѣжденъ противъ фабричной инспекціи вообще и противъ Васъ въ особенности. Я только что изъ Петербурга“, продолжалъ онъ, „гдѣ какъ разъ во время моего пребыванія И. А. Вышнеградскій былъ назначенъ Министромъ. Будучи давно знакомъ съ нимъ“... здѣсь Алексѣевъ замялся.. „по разнымъ дѣловымъ сношеніямъ... я счелъ нужнымъ ему представиться. Онъ принялъ меня очень хорошо, облобызался... „Да, вѣдь Вы фабрикантъ, ну что Вы думаете о фабричной инспекціи, этой выдумкѣ Бунге“? Когда я ему отвѣтилъ, что я лично жаловаться на нее не могу и состою въ лучшихъ отношеніяхъ съ инспекціей, Вышнеградскій рѣзко оборвалъ: „Ну, Вы тогда исключеніе!.. Особенно хорошъ Вашъ Янжуль: мутитъ рабочихъ, настраиваетъ противъ хозяевъ, со всѣхъ сторонъ его бранятъ—нѣтъ, этого я больше не потерплю и постараюсь сократить. Если бы только инспекція была изобрѣтена въ настоящее царствованіе, то ее легко было бы совсѣмъ отмѣнить, но, къ сожалѣнію—въ прошлое, а памяти Родителя не слѣдуетъ касаться... Но это все равно.. Я постараюсь передать инспекцію въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ—пусть изъ инспекторовъ сдѣлаютъ станovýchъ приставовъ“!—„Итакъ, вотъ что Вамъ предстоитъ“, „заключилъ свой разсказъ Алексѣевъ“, я Вамъ передалъ вѣрно слова Министра, а отзывъ о Васъ даже нѣсколько смягчилъ. Вы повѣрите, разумѣется, что я не желаю лучшаго инспектора, чѣмъ Вы, но очевидно мой теска Найденовъ достаточно настроилъ Вышнеградскаго противъ Васъ... примите мѣры“!

Разумѣется, я никакихъ мѣръ принять не могъ, но принялъ сообщеніе къ свѣдѣнію: весь тонъ сказаннаго Алексѣевымъ звучалъ такою искренностью, что не могло быть и тѣни сомнѣнія въ истинѣ сообщеннаго имъ, — да и съ какой стати этотъ сильный, умный и независимый человѣкъ сталъ бы измышлять и передавать подобныя новости, если не исключительно движимый сочувствіемъ ко мнѣ?... Здѣсь въ первый разъ пришла мнѣ мысль объ отставкѣ... Если хотя косвенно подтвердятся слова Алексѣева объ отношеніи Вышнеградскаго къ инспекціи, то, конечно, ничего путнаго

ждать дальше нельзя; пока же надо запастись терпѣніемъ и ожидать дальнѣйшаго хода событій и когда составится вполне прочное убѣжденіе, что дальше дѣлать ничего нельзя и предстоитъ лишь превращеніе, — „метаморфоза“ — по желанію этого добраго министра, инспекторовъ въ „становые“, ну, тогда пора немедленно уходить прочь!...

„Крайне однообразно и монотонно течетъ моя жизнь“, писалъ я Михайловскому вскорѣ послѣ означеннаго событія (26 Января 1887 года), „три раза въ недѣлю по старому являются ко мнѣ толпы фабрикантовъ съ кучами бумагъ, три раза въ недѣлю занять чтеніемъ и подписываніемъ этихъ бумагъ и какъ много надъ ними ни сидишь, а все конца не предвидится!? До сихъ поръ мною и Рахмановымъ утверждено около 800 фабрикъ и, слѣдовательно, остается работы, по меньшей мѣрѣ, столько же, сколько и передѣлали!... Вопросы, которые наиболѣе меня волнуютъ это — необходимость особой канцеляріи и средствъ для нея. Вся моя квартира наполнена бумагами и загажена посѣтителеми; сдѣлать справку и найти бумагу вещь нелегкая, а между тѣмъ со стороны фабрикантовъ поэтому справедливыя сѣтованія на медлительность и пронажу бумагъ. Безъ правильной канцеляріи и письмоводителя положительно ничего не подѣлаешь: за 3 мѣсяца у меня входящихъ бумагъ образовалось болѣе 1200 №№, хотя заносилась не болѣе какъ четвертая часть получаемаго; отвѣты, кромѣ необходимѣйшихъ, даю исключительно лишь словесно... Другой важный вопросъ, это — отличіе фабрикъ отъ ремесленныхъ заведеній: являются фабриканты и сами спрашиваютъ, подлежатъ ли они закону 3 Іюня, а между тѣмъ, по старому, въ этомъ вопросѣ ничего не подвинулось и какъ прежде — полнѣйшая неопредѣленность... Далѣе, вопросъ о метрикахъ — въ старомъ положеніи, и священники не хотятъ выдавать ихъ малолѣтнимъ, а тѣхъ гонятъ за это съ фабрикъ... „Но довольно объ этомъ“, заключаю я свое письмо: „напишите, пожалуйста, добрѣйшій Яковъ Тимофеевичъ, что нибудь насчетъ нашего новаго начальства, что о немъ слышно?... По всей вѣроятности ради польскихъ дѣлъ мнѣ не миновать пріѣхать въ столицу“...

Переписка наша съ Я. Т. М. подъ вліяніемъ удручающихъ обстоятельствъ и всеобщаго унынія становилась все рѣже и рѣже. Нельзя, конечно, въ письмахъ было не касаться того, что волновало и занимало умы, а это въ свою очередь лишь ухудшало настроеніе духа и усиливало уныніе; поэтому, обратно съ прежнимъ цѣлые мѣсяцы проходили безъ переписки съ Главнымъ Инспекторомъ. Ближайшее, вслѣдъ за предыдущимъ, письмо мое помѣчено 3 Марта, т. е. прошло болѣе мѣсяца, прежде чѣмъ я собрался вновь написать, тогда, какъ раньше, какъ припомнимъ, сношенія были еженедѣльные...

„Печальныя новости“ (объяснялъ я свое долгое молчаніе Я. Т. М.), „постоянно получаемыя изъ Петербурга, невольно сократили нашу корреспонденцію: рѣшительно не знаешь, что писать кромѣ жалобъ или сѣтованій, а этого добра и у другой стороны достаточно! Наконецъ я рѣшился нарушить это молчаніе и спросить Васъ уже не о дѣлахъ инспекціи, а лично о Васъ, какъ Вы сами проживаете въ эти тяжелыя времена, а главное здоровы ли? Я физически чувствую сейчасъ себя сносно, но нравственно совершенно измученъ и жажду спокойствія, какъ еврей манны небесной: до сихъ поръ, напримѣръ, толчея фабрикантовъ у насъ не прекращается, а на канцелярскія деньги для найма особаго помѣщенія давно потерялъ надежду... Какъ Вамъ уже извѣстно изъ официальнаго сообщенія Департамента, я получилъ мѣсячный отпускъ и какъ Вы, вѣроятно, догадался, ради работъ по Польской Коммиссіи. Меня настойчиво спрашивали, когда я, наконецъ, приготовлю Отчетъ; изъ другихъ членовъ Коммиссіи нѣкоторые свой уже покончили, и вотъ я рѣшилъ уединиться отъ фабричныхъ дѣлъ, безъ чего я не въ состояніи ничѣмъ серьезно заняться или сосредоточиться. Этотъ четвергъ у меня послѣдній пріемъ фабрикантовъ, а затѣмъ сдаю книги Рахманову и запираю накрѣпко двери... Такого горячаго нетерпѣнія, какъ развязаться съ Коммиссіей и кончить Отчетъ я даже, кажется, не испытывалъ, когда писалъ свою магистерскую диссертацию!... Лѣтомъ необходимо во что бы то ни стало отпра-

виться за границу, хотя бы рубль дошелъ до гривенника *): безъ серьезнаго отдыха, боюсь бѣдъ отъ ненормальной те-перешней жизни“...

Я еще во Второй Главѣ останавливалъ вниманіе чита-телей моихъ „Воспоминаній“ на ложномъ мнѣніи, когда-то распространенномъ въ Москвѣ о моей будто бы чрезмѣрной инспекторской строгости и взыскательности въ отношеніи фабрикантовъ и старался опровергнуть это мнѣніе, какъ совершенно превратное и на фактахъ не основанное. Во вся-кой другой странѣ я не разъ, можетъ быть, училился бы въ чрезмѣрной преступной снисходительности, а никакъ не строгости... Однако, тѣмъ не менѣе косвеннымъ подтвержде-ніемъ существованія и распространенности въ Москвѣ та-кого мнѣнія служить обширная ругательная литература того времени, направленная противъ фабричной инспекціи и специально противъ меня **): той же самой строгостью, моимъ произволомъ и притѣсненіемъ, чинимымъ промышлен-никамъ, во имя якобы неправильно толкуемаго закона, объ-ясняли нѣкоторые представители тогдашней печати многія мои инспекторскія распоряженія и проступки.

Когда я вспоминаю этотъ эпизодъ моей жизни, онъ меня теперь болѣе уже не раздражаетъ и не волнуетъ, чуть не до слезъ, какъ въ свое время, двадцать лѣтъ назадъ, но скорѣе смѣшить, а если и огорчаетъ, то лишь косвенно, какъ фактъ человѣческой испорченности и доступность людей подкупу или неправдѣ съ самыми притворными и лицемѣрными возгласами заботливости якобы о благѣ чело-вѣчества и увѣреніями о несуществующемъ вредѣ... Въ то же самое время во всей этой фальшивой игрѣ пе-чатнымъ словомъ красными нитками по черному шитью ярко проглядываетъ просто желаніе лягнуть человѣка и

*) Я разумѣлъ отчаянную тогда спекуляцію рублемъ за границей и страш-ный упадокъ курса.

**) Началась она съ присылки многихъ анонимныхъ ругательныхъ пи-семъ противъ меня, какъ инспектора, а одинъ разъ даже длиннаго стихотво-ренія съ этой цѣлью, описывающаго римами мои злодѣянія надъ бѣдными фабрикантами и рабочими. Оно начиналось, примѣрно, такъ:

«На Софія былъ Стамбуль,
А въ Москвѣ Янжуль!»

заставить всѣхъ и всякаго очевидную ложь принять за истинную правду!..*).

Вся эта ругательная литература 1886 и 1887 гг. какъ разъ при вступленіи въ силу закона 3 Іюня 1886 года, имѣвшаго цѣлью водворить у насъ нѣкоторый порядокъ на фабрикахъ и защитить рабочихъ отъ произвола, давно канула въ Лету и забыта по заслугамъ. Мнѣ же, одному изъ главныхъ объектовъ этой газетной ругани и травли, выражаясь, аллегорически, она напоминаетъ больше всего стаю собакъ, напавшихъ на прохожаго въ темную ночь нашей сонной общественной жизни... Впереди мчится большой цѣпной песъ, только что спущенный московскими обывателями, дабы травить инспекцію и отравлять ей существованіе. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда инспекторъ уже ушелъ, цѣль была какъ бы достигнута, но песъ не получилъ обѣщанной кости, его надули „милліонеры“ и онъ горько жалуется на свою судьбу „нашимъ друзьямъ, читателямъ и подписчикамъ“... Далѣе слѣдуетъ за нимъ умный и ученый пудель, который то и дѣло виляетъ, не зная, чью сторону принять:

*) Московскій корреспондентъ «Новаго Времени» отъ 22 Ноября 1886 г. такъ картинно изображаетъ въ своемъ еженедѣльномъ фельетонѣ эту травлю инспекціи продажной московской прессой:

«Посмотримъ, спрашивается, какъ отвѣчаетъ намъ послѣдняя недѣля на вопросъ: что нужно москвичамъ въ отдѣльности?»

Московскимъ фабрикантамъ нужно стереть съ лица земли фабричный инспекторатъ.

Господа инспектора насолдили гг. фабрикантамъ своими отчетами, извлеченія изъ которыхъ уже начали появляться въ газетахъ. Кампанія противъ инспекторовъ началась партизанскими стычками. Въ первую вылазку командированъ былъ г. Шараровъ, увлеченный славой Фигнеровъ, Сеславиныхъ и Давыдовыхъ. Онъ развернулъ знамя съ надписью «Держись, либералы!»—и ударилъ на г. Янжула. Встрѣченный сильными отпоромъ, онъ побѣжалъ собирать подкрѣпленія по мануфактурамъ и въ «Соврем. Извѣстіяхъ» открылась новая палба по г. Янжулу и по всѣмъ инспекторамъ изъ орудій того самаго «Фабриканга», который и г. Шарарова вооружилъ на бой своими свѣдѣніями (подъ псевдонимъ «Соврем. Извѣстій» значится подпись: «Фабрикантъ, сообщившій свѣдѣнія «Русскому Дѣлу»). [вѣроятно, Дѣтинъ или Морозовъ изъ Богородска. И. Я.]. Но эта открытая печатная борьба въ одиночку еще не страшна; страшнѣе тотъ натискъ, который готовится теперь въ тиши одного изъ московскихъ ресторановъ. Московскіе и подмосковные фабриканты съѣхались на военный совѣтъ, обзаютъ теперь и ужинаютъ въ компаніи, а въ промежуткахъ между лѣгкими шами и «натуральными» раками точатъ зубы съ антропофагическими цѣлями. Что съѣсть инспекторовъ нужно, это для всѣхъ фабрикантовъ очевидно, только не рѣшено еще, подъ какими соусомъ...

Надняхъ это рѣшится. («Нов. Вр.», отъ 22 Ноября 1886 г.).

то лаетъ на инспекцію, то ласкается къ ней, смотря по тому, въ какую сторону глядятъ его друзья и пріятели—московскіе фабриканты... Наконецъ, сзади бѣжитъ маленькая шавка, не умѣющая даже самостоятельно лаять, а только подражающая и подвываяющая большимъ собакамъ...

Моя шуточная картина нападенія московской прессы на инспекцію въ 1886 г. весьма близка къ тому, что въ дѣйствительности происходило, и намъ необходимо здѣсь надолго остановиться и подробно познакомиться съ этой литературой. Дѣло въ томъ, что, къ сожалѣнію, эта печать при всей своей очевидной негодности, въ свое время производила эффектъ и дѣйствіе и многихъ даже вполне порядочныхъ людей ставила въ тупикъ: „Неужели правда все, что говорится теперь въ газетахъ о вновь созданной инспекціи?! Чѣмъ этотъ произволъ инспекторовъ лучше—старыхъ чиновниковъ изъ взяточниковъ: отъ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, можно было откупиться“?! Сверхъ того, настраиваемое московскими тузами Петербургское начальство безпокоилось, морщилось и засыпало инспекцію запросами, требуя объясненій, письменныхъ и личныхъ...

Насколько мнѣ извѣстно, первымъ застрѣльщикомъ въ этой „сокрушительной“ литературѣ противъ инспекціи выступилъ г. Сергій Шараповъ въ №№ 28 и 29 „Русскаго Дѣла“ (1 Ноября 1886 г.). Большая, довольно несвязная, но бойко написанная статья посвящена по содержанію новому фабричному закону. Г. Шараповъ заранѣе уже обрекаетъ этотъ законъ осужденію за его якобы либерализмъ, что одно уже въ его глазахъ является важнымъ аргументомъ противъ закона. Все русское общество представлено какимъ-то домомъ умалишенныхъ, которые подъ вліяніемъ, будто, лишь ярлыка „либеральный“ хватаются за законъ и дѣлаютъ разныя безчинства и надъ фабрикантами и надъ рабочими.

«На нашихъ глазахъ происходитъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій русскаго умственнаго маскарада. Ярлыкъ «либерально» привѣшенъ съ надлежащей торжественностью ни больше ни меньше, какъ къ ново-созданному государственному учрежденію, преслѣдующему по мысли законодателя самыя простыя и самыя здравомысленныя цѣли. Мы говоримъ о фабричной инспекціи, опирающейся на новое «Положеніе о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы» и «Правила о надзорѣ за фабриками и заводами» и другія законодательныя постановленія по промышленной части»...

«Инспекція ко всеобщему удивленію русскихъ людей окрасилась вдругъ въ арко-либеральный цвѣтъ. Къ ней воспылали всѣ интеллигентныя сердца, въ ней стали видѣть вовсе не то, что она есть на самомъ дѣлѣ (или чѣмъ должна была бы быть), именно бодрствующій, дѣятельный органъ государства, регулирующий отношенія между фабрикантами и рабочими. Въ ней увидали только оплотъ бѣдствующаго пролетарія, страдальца - работника противъ произвола жирнаго, дикаго и свирѣпаго угнетателя, фабриканта. Отовсюду несутся хвалебные гимны: тамъ-то и тамъ схватили и рассказали безсердечнаго кулака-эксплуататора. Тамъ явился снова фабричный инспекторъ и такъ скрутилъ фабриканта, что тотъ раздумываетъ, ужъ не прекратить ли ему производство? Въ другомъ мѣстѣ, наконецъ, налегли на малолѣтнихъ. Либеральная ревность о меньшемъ братѣ, да еще о дѣтяхъ (тутъ даже Евангельскія слова въ ходъ пускались) была такъ велика, что и дѣти и родители взвыли хоромъ и стали вымаливать и выкупать у волостныхъ писарей подложныя свидѣтельства о возрастѣ, лишь бы хоть обманомъ удержаться на работѣ и прѣвести «недреманное око» фабричнаго инспектора».

Дальше слѣдуетъ высмѣиванье либерализма защиты дѣтей и сѣтованія на изгнаніе бѣдняжекъ съ фабрикъ и т. п. Совершенно не кстати какой-то пріятель, Калужскій химическій заводчикъ, просилъ г. Шарапова упомянуть и о его „утѣсненіи“: захохотавъ де рабочій въ печи съ вредными газами, такъ Фабричное Присутствіе притѣсняетъ, чтобъ фабрикантъ будто бы за двѣ недѣли давалъ знать объ очисткѣ подобной печи и т. д. (?!). Уже послѣ этого идетъ главная суть обвиненія: приводится расцѣнка или такса изъ большой фабричной лавки (Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовыхъ), гдѣ и находится главный объектъ инспекторскаго преступленія. Согласно ст. 28 Правилъ закона 3 Іюня расцѣнка или такса харчевыхъ лавокъ, какъ мы видѣли, утверждается инспекторомъ, и вотъ г. Шараповъ вопіетъ о произволѣ и злоупотребленіи, находя, что многіе товары вычеркнуты изъ таксы, т. е. не могутъ быть допущены къ продажѣ. Сначала г. Шараповъ не понимаетъ, зачѣмъ я вычеркивалъ нѣкоторые товары, но потомъ догадывается, справившись въ законѣ, что я долженъ былъ разрѣшать для забора въ кредитъ только „недорогіе“ „доброкачественныя“ товары. Свое открытіе онъ выражаетъ въ слѣдующемъ собственномъ толкованіи:

«—Но помарки г. Янжула сдѣланы далеко не зря. Въ нихъ есть идея, которую разгадать совсѣмъ не трудно. Г. Янжулъ рѣшительно не допускаетъ рабочаго до того возгордиться, чтобы стагъ чай, хотя бы даже въ 1 р. 60 коп. фунтъ или курить палиросы въ 4 к.

пачку. Онъ находить, что манная каша для дѣтей, баранки и сухари, совсѣмъ излишня роскошь; онъ соображаетъ, что покупать отруби для свиньи, или коровы, есть уже непростительное мотовство и что печь блины изъ тульской муки прямо противно тому мѣсту правилъ, гдѣ рекомендуется недорогая провизія.

«Къ разряду предметовъ роскоши отнесены также стеариновые свѣчи, которыя хотя дороже салныхъ на 7 коп. за фунтъ, но выгоднѣе вдвое; самовары перваго сорта, обои выше 19 коп. кусокъ и даже круничатая мука!

Но l'appetit vient en mangeant: чѣмъ внимательнѣе вчитывается г. Шараровъ въ харчевую расцѣнку, утвержденную инспекторомъ, тѣмъ больше начинаетъ дѣлать открытій о смыслѣ и значеніи инспекторскаго произвола.

«Проглядывая съ большимъ вниманіемъ запрещенія г. Янжула, мы находимъ и еще одну, тоже бросающуюся въ глаза и даже ничѣмъ не прикрытую тенденцію разрешить все скоромное и, по возможности, запретить все постное... (!!!?)»

Это гадость, это доносъ! закричалъ г. Янжулъ и его поклонники...

Ахъ, почтенный г. профессоръ, какъ бы не хотѣлось намъ слышать этого гнуснаго слова, какъ бы не хотѣлось обвинять Васъ въ такой ужасной вещи, какъ борьба съ постановленіями церковными и народными обычаями (ого! ого!!!.. Но, Бога ради, растолкуйте же намъ, въ силу какой логики исключили Вы почти всю рыбу, остави только 3-й сортъ севрюга, сельди, сухихъ судаковъ и лещей? Ради чего изгнали Вы всѣ грибы, сжалившись лишь надъ сухеными желтыми въ 20 коп. фунтъ, исключили голландскія сельди, даже по пятачку штука».

Подъ конецъ Шараровъ почти сталъ догадываться, что торговля ведется двоякимъ образомъ — въ кредитъ и — на наличныя, и что инспекторъ, очевидно, желаетъ по возможности стѣснить кредитъ, чтобы рабочій не забиралъ сверхъ мѣры, чтобы заработокъ его не поглощался харчевымъ заборомъ собственной фабрики, а затѣмъ на наличныя деньги можетъ брать сколько угодно и чего желаетъ... Но догадываясь объ этомъ, г. Шараровъ хитритъ и приписываетъ инспектору намѣренія, которыхъ онъ совсѣмъ не имѣетъ, стѣснять заборъ служащихъ, до которыхъ ему никакого нѣтъ дѣла и съ которыхъ фабричная лавка можетъ брать сколько ей угодно.

«Для насъ, говорить г. Шараровъ, важенъ самый фактъ. Круный агентъ правительства, облеченный довѣріемъ высшей власти и призванный вносить любовь и порядокъ въ фабрично-заводскій міръ первопрестольной столицы, позволяетъ себѣ явно издѣваться надъ однимъ изъ очень существенныхъ условий фабричной жизни, надъ организаціей продовольствія. Однимъ почеркомъ пера онъ лишаетъ цѣлыя сотни мастеровъ и служащихъ, получающихъ высшій за-

работокъ и привыкшихъ жить порядочно, — возможности брать изъ фабричной лавки хорошіе и крайне умѣренно расцѣненные продукты, лишаетъ дѣтей всего остального населенія манной крупы и крупчатой муки, коровъ — отрубей, куръ — овса и т. д. и т. д.» *).

Дальнѣйшей защитѣ фабричныхъ лавокъ отъ инспекторскаго произвола г. Шараповъ посвящаетъ еще цѣлый рядъ статей „Русскаго Дѣла“, стараясь донять инспекцію не мытьемъ, такъ катаньемъ, ибо, въ сущности, никакой новой аргументаціи онъ не приводитъ. Но цѣль статьи была достигнута: г. Шараповъ подалъ примѣръ, началъ шумѣть, а за нимъ послѣдовалъ гораздо болѣе крупный человекъ г. Гиляровъ-Платоновъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“. Статья въ этой послѣдней газетѣ появилась чрезъ нѣсколько дней спустя и хотя въ ней ссылаются на статью Шарапова, но, очевидно, статья, судя по манерѣ „Современныхъ Извѣстій“, написана по спеціальному заказу или порученію и отъ Шарапова не зависѣла.

Обратно съ г. Шараповымъ почтенный Ф. П. Гиляровъ-Платоновъ не имѣлъ еще случая познакомиться съ новымъ фабричнымъ закономъ и сѣвши писать статью, конечно, по просьбѣ своихъ благопріятелей противъ фабричной инспекціи, глазомъ опытнаго журналиста пробѣжавши указанную статью Шарапова въ „Русскомъ Дѣлѣ“, нашелъ матеріалъ уже достаточнымъ и безъ всякихъ справокъ въ законахъ: „Очевидно, дѣло просто... обычный вопросъ личнаго произвола чиновника, да вдобавокъ чиновника, несомнѣнно, находящагося не въ своемъ умѣ?! Далѣе, редакторъ передаетъ первоначально въ сжатомъ видѣ содержаніе фальсифицированной харчевой расцѣнки той же Богородско-Глуховской Мануфактуры, пред-

*) Любопытно, какъ велика можетъ быть и нагла ложь у нѣкоторыхъ людей, когда они рассчитываютъ на безнаказанность или знаютъ, что ложь не будетъ обнаружена. Настоящій случай представляетъ для того наилучшее доказательство: инкриминируемая въ данномъ случаѣ харчевая расцѣнка Богородско-Глуховской Мануфактуры на Октябрь мѣсяць 1836 г. была въ дѣйствительности просмотрѣна и утверждена вовсе не мною, а моимъ помощникомъ д-ромъ Рахмановымъ въ Сентябрѣ, еще до возвращенія моего изъ Польши, но такъ какъ въ «Русскомъ Дѣлѣ» выставился умысленно авторомъ утвержденія я инспекторъ, а не мой помощникъ, котораго подпись стояла навѣрное подъ расцѣнкой, то я счелъ долгомъ принять все это обвиненіе на себя и пошла писать губернію... Такъ дѣлается исторія!..

ставитель которой и навѣрное ходатайствовалъ передъ Ф. П. о статейкѣ. Онъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, не слыхавши о законѣ 3-го Юня 1886 года, чѣмъ руководствовался инспекторъ при запрещеніи однихъ продуктовъ и дозволеніи другихъ?!... „Что-нибудь одно изъ двухъ“,—думаетъ редакторъ, — „или попросту сказать инспекторъ спятилъ, или это фактъ величайшаго самодурства, весьма странный въ профессорѣ“!..

Вотъ какъ собственно разсуждаетъ въ своей статьѣ Ф. П. Гиляровъ-Платоновъ:

«Почему же, за что же, гдѣ основаніе? Редакція «Русскаго Дѣла» оказываетъ честь г. Янжулу, придумывая для него побужденія, въ видѣ желанія исключить изъ обихода рабочихъ все мало-мальски аристократическое и, кромѣ того, ограничить по возможности употребленіе постной пищи. Но, во-первыхъ, это несправедливо: рыба и грибы въ нѣкоторыхъ сортахъ оставлены, а затѣмъ дозволены къ продажѣ куры и даже индѣйки,—кушанье нѣсколько изысканное. А, во-вторыхъ, нужно предположить въ г. Янжулѣ, насколько онъ извѣстенъ по своей общественной дѣятельности, нѣсколько болѣе ума, если искать какихъ-нибудь осмысленныхъ побужденій. Иначе пришлось бы удостовѣриться, что извѣстный ученый лишень самаго даже простаго здраваго смысла; ибо только при полномъ его отсутствіи, въ бреду, можно запрещать къ продажѣ безусловно чай, а оставлять сахаръ рафинадъ, который и нуженъ для чая (ибо сахарный песокъ дозволенъ самъ собой). А затѣмъ, какой здравый смыслъ запрещать къ продажѣ... яйца, этотъ всеобщій, ничуть уже не исключительно аристократическій предметъ потребления! По нашему мнѣнію: г. Янжулъ потѣшается. И это есть довольно обыкновенное послѣдствіе неограниченнаго произвола! «Моя рука владыка! Что хочу, то и дѣлаю!» Не болѣе, какъ видоизмѣненіе извѣстнаго, «моему здраву не прешаствуй», примѣненное лишь къ другой средѣ, обнаруживаемое не Титомъ Титычемъ, лишеннымъ умственнаго и нравственнаго воспитанія, а профессоромъ, стяжавшимъ извѣстность въ наукѣ, и притомъ огражденное законнымъ полномочіемъ, которое за нимъ стоитъ».

Выводъ напрашивается самъ собой и не нуждается въ комментаріяхъ.

«Словомъ, фактъ, сообщаемый «Русскимъ Дѣломъ» по отношенію къ самому г. Янжулу, есть *фактъ психическій* и съ этой одной точки онъ заслуживаетъ разсмотрѣнія. Общественный же интересъ здѣсь заключается въ вопросѣ: ну, такъ къ чему же болѣе ведетъ это новое полицейское учрежденіе съ широкимъ личнымъ произволомъ, къ дѣйствительному ли огражденію правъ рабочаго и обузданію Титъ Титычей, или только къ болѣе еще деморализаціи? Г. Янжулѣ, внѣ всякаго сомнѣнія, не позволить себя купить. Но всѣ ли будутъ безгрѣшны? А какой соблазнъ фабрикантамъ объяснить: «должно быть я забылъ праздники!» А гг. инспекторамъ какое искушеніе!»

Какъ видимъ, статья „Современныхъ Извѣстій“, ре-

дакторъ которой совершенно невиненъ въ законѣ и видимо даже не догадывается о причинахъ запрещенія тѣхъ или иныхъ товаровъ въ расцѣнкѣ, написана тѣмъ не менѣ замѣчательно ловко и съ этой точки зрѣнія приводитъ правдоподобное объясненіе совершенно непонятныхъ дѣйствій инспектора. Это обстоятельство вмѣстѣ съ именемъ Ф. П. Гиларова, заставило меня отступить отъ правила не мѣшаться въ газетную полемику и попробовать объяснить редактору мотивы своихъ непонятныхъ для него дѣйствій... Но первоначально скажу два слова о новой статьѣ того же характера въ газетѣ—производителя шипучихъ водъ и русскаго шампанскаго Н. П. Ланина—„Русскій Курьеръ“. Очевидно, еще пылая на инспекцію злобой за привлеченіе его къ суду и осужденіе по закону о малолѣтнихъ рабочихъ, г. Ланинъ приказалъ своему молодцу въ конторѣ, завѣдующему газетой, написать статью противъ инспектора, но какъ тотъ ни выдавливалъ изъ себя содержанія статьи, но ничего не могъ получить кромѣ повторенія lamentацій по поводу извѣстныхъ уже намъ фактовъ изъ судебного рѣшенія по дѣлу Ланина—объ отпускѣ малолѣтнихъ, выбрасыванія де ихъ на улицу, закрытія хозяиномъ училища, неправильномъ де привлеченіи „виннаго склада и разлива виноградныхъ винъ російскаго произведенія“ съ акцизнымъ патентомъ въ 25 рублей подъ законъ о фабричной инспекціи и т. п. вздоръ. Въ заключеніе жалкая статейка „Русскаго Курьера“ (откуда мы заимствуемъ также и перепечатку статьи „Современныхъ Извѣстій“) повторяетъ за другими газетами выходку о вредномъ де совмѣщеніи инспекторомъ Янжуломъ должностей по двумъ вѣдомствамъ, т. е. профессора и фабричнаго инспектора, безъ всякихъ, конечно, доказательствъ!.. („Русскій Курьеръ“, № 305, отъ 5 Ноября 1886 года).

Я сдѣлалъ упомянутую выше ошибку и написалъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ объяснительную статью, которая, какъ и слѣдовало бы мнѣ предварительно знать, произвела въ ругательной литературѣ дѣйствіе масла, брошеннаго въ огонь. Статьѣ моей предшествуетъ маленькое вступленіе отъ редакціи, здѣсь приводимое („Современныя Извѣстія“, № 309, отъ 9 Ноября 1886 г.):

«Ниже сего передаемъ письмо г. Янжула. Оказывается, что нѣкоторые товары воспрещены имъ къ продажѣ въ фабричной лавкѣ не безусловно, а запрещается лишь отпускать ихъ въ кредитъ рабочимъ. Это нѣсколько измѣняетъ видъ дѣла. Мы должны еще оговориться, что яйца и селедки, равно какъ и чай (низшихъ сортовъ) не воспрещены; въ реестръ запрещенныхъ они попали у насъ по ошибкѣ» (!!).

«Въ чистотѣ и гуманности побужденій г. инспектора мы ни минуты не сомнѣвались. Не подвергаемъ сомнѣнiю и законность дѣйствiй фабричной инспекцiи: она дѣйствуетъ въ предѣлахъ дарованнаго ей полномочiя, цензурируя лавочные реестры. Но мы остаемся при своемъ принципиальномъ разногласiи, которое надѣемся на-дняхъ объяснить подробнѣе. Цѣль, которую имѣетъ въ виду инспекцiя, недостижима такимъ путемъ. Въ частности и излишняя задолженность рабочаго, намъ кажется, не будетъ предупреждена ограничениемъ кредита опредѣленными товарами. Той же задолженности рабочiй подвергнетъ себя количествомъ забора, хотя онъ будетъ ограниченъ въ качествѣ: это кругъ, изъ котораго не выйдешь, коль скоро кредитъ самъ по себѣ запрещенъ. Такъ, намъ кажется, и во всемъ: задача инспекцiи—неблагодарная задача при теперешнихъ правилахъ.»

«Вотъ письмо г. Янжула»:

„Милостивый Государь!“

„Въ одномъ изъ недавнихъ выпусковъ вашей газеты вамъ угодно было помѣстить статью съ рѣзкимъ осужденiемъ моей дѣятельности какъ фабричнаго инспектора, утверждающаго таксы и расцѣнки фабричныхъ лавокъ. Не входя въ разборъ самой статьи, я покорнѣйше прошу васъ въ интересахъ простой справедливости дать мѣсто небольшому объясненiю лишь о тѣхъ побужденiяхъ, коими я руководствуюсь, исполняя мои обязанности въ отношенiи регулированiя фабричнаго продовольствiя. Новый фабричный законъ 3 Юня 1886 года еще мало знакомъ публикѣ и даже заинтересованнымъ лицамъ, а какъ доказываетъ настоящiй случай, въ самой прессѣ комментируется и понимается весьма неправильно. Какъ вамъ вѣроятно не безызвѣстно, лавки при фабрикахъ, являясь во многихъ случаяхъ—особенно въ глуши—необходимостью, въ то же время, къ сожалѣнiю, ведутъ, какъ доказано было не разъ на судѣ,—ко многимъ злоупотребленiямъ. Не говоря уже о чрезмѣрныхъ цѣнахъ, а иногда и недоброкачественности продуктовъ, уже самый фактъ отпуска въ кредитъ при существующей доселѣ нерегулярной и даже случайной расплатѣ, ведетъ къ тому, что рабочему очень перѣдко на нѣкоторыхъ фабрикахъ денегъ получать почти совсѣмъ не приходится. Начиная съ гармоникъ и плисоваго жилета и оканчивая шелко-

вымъ платкомъ для жены и орѣхами или иными сластями для дѣтей — все къ его услугамъ соблазнительно предлагается въ долгъ. Эта вредная сторона организаціи нашего фабричнаго продовольствія настолько сознается самыми благомыслящими фабрикантами, что одинъ изъ нихъ (крупный московскій фабрикантъ *) въ Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Товарища Министра Плеве, выработавшей новый фабричный законъ, высказался даже прямо въ пользу законодательнаго воспрещенія отпуска въ кредитъ изъ фабричныхъ лавокъ, „ибо такой отпускъ“, говорилъ онъ, „соблазнителенъ для рабочихъ и нынѣ нерѣдко влечетъ за собой злоупотребленія и даже недоразумѣнія между рабочими и хозяевами“.

Разсматривая и утверждая лавочныя расцѣпки по новому закону, разумѣется, я не могу не имѣть въ виду, соглашаясь съ вышесказаннымъ, всѣ пагубности кредита и смотрю на фабричныя лавки лишь какъ на необходимое зло (конечно, допуская при этомъ исключенія): чѣмъ меньше рабочій изъ нихъ беретъ, чѣмъ меньше тамъ для него соблазновъ, тѣмъ лучше, и тѣмъ больше денегъ можетъ у него остаться изъ заработка. Поэтому, исполняя сказанную обязанность, я стараюсь отпускъ въ кредитъ рабочимъ ограничить по возможности лишь предметами необходимости, продаваемыми по умѣренной притомъ цѣнѣ. На этомъ основаніи всякія мои зачеркиванія и отчеркиванія въ представляемыхъ мнѣ на утвержденіе таксахъ не имѣютъ другого значенія, какъ указаніе того, что должно продаваться рабочимъ (и только однимъ рабочимъ) на книжку или въ долгъ и что нѣтъ: ни одинъ продуктъ, поэтому, нынѣ продаваемый въ фабричныхъ лавкахъ (а нѣкоторые напоминаютъ собой по разнообразію большой гастрономическій и мануфактурный магазинъ), безусловно не воспрещенъ и не изгоняется. Рабочій можетъ тамъ покупать на деньги всякій товаръ, но одни лишь недорогіе предметы необходимости въ кредитъ. Вся разница отъ прежняго — исключительно въ этомъ раздѣленіи товаровъ на двѣ категоріи: а) доступ-

*) Н. А. Алексѣевъ, бывшій городской голова гор. Москвы.

ныхъ для приобрѣтенія рабочихъ лишь на наличныя деньги и б) отпускаемыхъ въ долгъ. Само собой разумѣется, что понятіе о дорогомъ и необходимомъ весьма условно, и просматривая въ настоящее время чуть не сотни расцѣнокъ ежедневно съ самыми разнообразными товарами, я стараюсь изъ нихъ исключить для отпуска въ кредитъ рабочимъ все то, что, по моему крайнему убѣжденію, не составляетъ для рабочаго (насколько въ четыре года я познакомился съ его бытомъ) безусловной необходимости или же что оцѣнено высоко сравнительно съ мѣстной цѣной, хотя рабочій не лишень въ то же время возможности купить этотъ запрещенный товаръ на наличныя деньги тамъ же, на фабрикѣ, или въ сосѣдней лавочкѣ. Не забудьте, что тотъ же новый законъ стремится установить правильную, не менѣе какъ въ мѣсяцъ разъ, расплату, могущую облегчить рабочему такую покупку на наличныя деньги. Наконецъ, для регулированія цѣнъ въ разумныхъ предѣлахъ, я руководствуюсь цѣнами припасовъ въ сосѣднихъ частныхъ лавкахъ и другихъ фабрикахъ той же мѣстности, и эти свѣдѣнія мнѣ будутъ доставляться моими помощниками правильно и ежедневно со всѣхъ концовъ губерніи.

Вотъ тѣ, милостивый государь, г. редакторъ, побужденія, которыми я руководствуюсь, по силѣ моего разумѣнія, имѣя въ виду наилучшимъ образомъ выполнить возложенную на меня нелегкую обязанность. Разумѣется, первое время, особенно при страшномъ одновременномъ наплывѣ дѣла, начинающаго съ 1 Октября, съ моей стороны въ этомъ отношеніи возможны пропуски и недосмотры (которые, замѣчу вскользь, легко исправить въ ближайшій же мѣсяцъ), но большинство курьезовъ, приводимыхъ „Русскимъ Дѣломъ“ и частью повторяемыхъ въ вашей газетѣ, не имѣютъ, смѣю завѣрить, никакого реального основанія.

Надѣюсь въ заключеніе, милостивый государь, что какъ бы вы ни смотрѣли на задачи фабричной инспекціи, но послѣ моего объясненія, вы убѣдитесь, что мои дѣйствія имѣютъ за себя законное основаніе, никому никакого вреда не дѣлаютъ, а наносятъ только ущербъ немногимъ изъ фабрикантовъ, привыкшимъ выручать чрезъ свои фабричныя

лавки ~~чуть не все то, что~~ израсходовано въ годъ на заработную плату“.

Примите и проч. И. Янжуль.

Ноября 7 дня 1886 года.

Въ № 317 „Современныхъ Извѣстій“ отъ 17 Ноября того же 1886 года появилась новая статья по рабочему вопросу, подписанная „Фабрикантъ“, сообщившій свѣдѣнія „Русскому Дѣлу“, т. е. представитель той же Богородско-Глуховской мануфактуры Морозовыхъ (вѣроятно г. Дѣтиновъ), который вдохновлялъ Шарапова. вмѣсто дословнаго разбора и объясненій, она содержитъ въ себѣ со стороны г. „Фабриканта“ прославленіе ихъ фабричной лавки и указаніе на ея миллионный оборотъ, что, разумѣется, не только не умаляетъ необходимость для подобной крупной торговли извѣстнаго контроля, установленнаго закономъ, но, напротивъ, должно вызывать усиленіе его: большая лавка въ суммѣ даетъ большой доходъ фабрикѣ, а такой доходъ дѣло совершенно постороннее для уважающаго себя производителя, чего не понимаетъ, очевидно, „г. Фабрикантъ“ и до чего онъ не дошелъ (не дозрѣлъ!)—что фабрика должна жить фабричнымъ доходомъ, а не лавочнымъ. Одинаково, поэтому, является страннымъ чисто купеческій аргументъ г. „Фабриканта“, что ихъ лавка нужна де многимъ постороннимъ; но, во-первыхъ, фабричный законъ не касается „постороннихъ“, а имѣетъ въ виду лишь удовлетвореніе нуждъ фабричныхъ рабочихъ, а, во-вторыхъ, можетъ быть „посторонніе“ и не имѣютъ въ Богородскѣ хорошихъ лавокъ именно въ виду сокрушительной конкуренціи крупнѣйшей фабричной лавки.

Желая подкрѣпить принятаго подъ его опеку г. „Фабриканта“, г. редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ привелъ вполне вѣрное соображеніе противъ существующаго въ русскомъ законѣ контроля фабричныхъ лавокъ, но, къ сожалѣнію, двадцать лѣтъ тому назадъ слишкомъ фантастическое, а именно, что рабочіе де лишены права въ Россіи организаци, что за совокупностью ихъ не признано значенія юридической личности, что признай законъ рабочихъ, сошедшихся на фабрику за цѣлое, за артель, „начертай ей конституцію,

устрой отвѣтственность“ и т. д. и т. д., тогда было бы, конечно, гораздо лучше, съ чѣмъ вполнѣ и я согласенъ, конечно, и не нужно было бы въ такомъ случаѣ, можетъ быть, контроля надъ фабричными харчевыми расцѣнками... Но дѣло обстояло тогда, всемъ извѣстно, какъ разъ иначе, и никакого права организации или коалиціи рабочихъ у насъ не существовало и въ поминѣ и, слѣдовательно, объ этомъ способѣ въ 1886 году возможно было бы говорить лишь какъ о желательномъ для достиженія идеалѣ — *rius desiderium*—не болѣе того, а никакъ не пользоваться имъ для критики существующихъ формъ фабрично-инспекторскаго контроля, прямо приноровленныхъ ко всему тогдашнему государственному строю...

Приведенныя либеральныя воззрѣнія покойнаго редактора „Современныхъ Извѣстій“ не помѣшали, однако, ему въ своемъ введеніи къ статьѣ „Фабриканта“ обвинить меня въ „Кабинетной благонамѣренности“ и приютить на страницахъ своей газеты означенную статью, исполненную лжи и клеветы. Очевидно, были на лицо давленія достаточно сильныя, по которымъ редакторъ не могъ отказать въ принятіи статьи. Г. „Фабрикантъ“, напримѣръ, обвиняетъ меня, ни мало ни много, въ томъ, что мой карандашъ и его ошибки, какъ онъ выражается, вносятъ будто бы „смуту и сѣютъ сначала недоразумѣнія, а затѣмъ и еще нѣчто худшее въ существующія добрыя и вполнѣ сердечныя отношенія къ рабочимъ“ (?!). Въ заключеніи этотъ представитель г.г. Морозовыхъ (одно дѣло противъ которыхъ я выигралъ въ Присутствіи), началъ говорить уже отъ имени цѣлаго Московскаго промышленнаго округа (отождествляя себя съ нимъ), что онъ видитъ-де въ моей дѣятельности „много нежелательнаго, страннаго и, если угодно, опаснаго“ (?!)..., опять таки безъ всякаго подтвержденія или доказательства!...

Въ цѣломъ рядѣ статей г. Шарановъ постарался воспользоваться моимъ вышеприведеннымъ отвѣтомъ Гилярову, хотя написаннымъ вовсе не для него, чтобы наговорить новыхъ небывлицъ на мою голову, или сочинить свои собственныя толкованія закона о кредитѣ для рабочихъ въ фабричныхъ лавкахъ. Такъ напр., не смотря на то, что статья 28 Пра-

вилъ и составлена спеціально для ограниченія кредита рабочихъ, тѣмъ не менѣе г. Шараповъ въ № 31 „Русскаго Дѣла“, отъ 23 Ноября 1886 года, категорически отвергаетъ такое толкованіе и желаетъ видѣть законъ своего собственного изобрѣтенія, который на кредитъ рабочихъ и ихъ разореніе харчевыми лавками никакого бы вниманія не обращалъ. Поэтому, обратно моему утвержденію, что на личные—рабочій можетъ покупать рѣшительно все, что ему угодно, безъ всякаго контроля, не смотря на такую мысль и толкованіе въ Комиссіи Плеве, гдѣ я участвовалъ и гдѣ этотъ законъ выработанъ, не смотря, наконецъ, на соответственное рѣшеніе Московскаго Губернскаго Фабричнаго Присутствія по этому предмету, Шараповъ твердитъ только одно: „нѣтъ, не можетъ, не можетъ, не можетъ“!!!

Безцеремонность и литературная неразборчивость г. Шарипова доходить, наконецъ, до такихъ Геркулесовыхъ столбовъ, что онъ, нарушая всѣ литературныя приличія, вторгается въ мою частную жизнь, собираетъ данныя обо всемъ, что я дѣлаю и чѣмъ занимаюсь и что долженъ дѣлать, принимаетъ на себя непризнанную роль полицейскаго сыщика и университетскаго педелеа или субика по Университетскому Уставу 1884 г. и даже о моихъ профессорскихъ грѣхахъ доноситъ другому моему начальству—Министерству Народнаго Просвѣщенія!...

Вотъ образчикъ такой нечистоплотной литературы:

«Во-первыхъ, г. Янжуль заваленъ дѣломъ, а потому сознается въ пропускахъ и недосмотрахъ. Охотно вѣримъ. Фабричная инспекція да еще въ Московскомъ районѣ дѣло совѣмъ не шуточное. Работы у г. Янжула такъ много, что для личныхъ объясненій съ фабрикантамъ онъ не въ состояніи удѣлять болѣе двухъ часовъ въ недѣлю (ложь!), да и то въ воскресенье, такъ что на эти аудіенціи собирается иногда челоуѣкъ по сто, напрасно ждущихъ очереди. А тутъ еще лекціи въ университетѣ. Г. Янжуль, какъ добросовѣстный ученый, предпочелъ вовсе не читать до перваго Ноября своего финансоваго права (ложь!), чѣмъ читать его зря, такъ сказать, для очистки совѣсти. До 1 Октября онъ прозділъ, какъ извѣстно, въ Царство Польское и работалъ въ Правительственной Комиссіи, почему, между прочимъ, не состоялись и экзамены по финансовому праву (ложь!); къ 1-му Октября накопились дѣла по инспекціи и лекціи пришлось отложить снова (ложь!). Начались ли онъ теперь—намъ неизвѣстно, но, по всей вѣроятности, подготовка къ нимъ и другія ученныя занятія вовсе не легки и отнимаютъ у г. Янжула массу времени».

«Въ заключеніе скажемъ, что, даже по собственному признанію г. Янжула, его положеніе совѣмъ ненормально. Онъ заваленъ работой,

выполнить которую одинъ человекъ физически не въ состояніи. Мы далеки отъ того, чтобы предполагать въ г. Янжулѣ корыстную цѣль—получать двойное содержаніе по министерству финансовъ (около 6 тыс. р.) и по министерству народн. просвѣщенія (около 4 тыс. руб.) (?). Мы увѣрены, что это лишь простое желаніе сдѣлать какъ можно больше, простая «жадность къ работѣ», какъ говорятъ мужики. Но и это не оправданіе. Нельзя одновременно вести хозяйство и брать командировки въ отъѣздъ; равнымъ образомъ нельзя читать лекціи и готовиться къ нимъ въ тиши кабинета и въ то же время уважать на 2, на 3 недѣли для осмотра фабрикъ въ самый разгаръ учебныхъ занятій. Нужно выбрать что-нибудь одно, или, если непременно нужно нѣсколько дѣлать, то по возможности однородныхъ. Мы не знаемъ, какъ, что и съ какими результатами читаетъ г. Янжулъ студентамъ. Знаемъ, что тамъ онъ стяжалъ себѣ нѣкоторую извѣстность, какъ профессоръ и литераторъ (?). Какъ фабричный инспекторъ, г. Янжулъ сумѣлъ оскорбить и возмутить весь московскій промышленный міръ, который, смѣемъ думать, состоитъ не изъ однихъ же черныхъ злодѣевъ? Здѣсь дѣятельность г. Янжула на виду и она, скажемъ прямо, нехороша. Между тѣмъ изъ-за нея страдаетъ преподаваніе, такъ какъ приватъ-доцента у г. Янжула нѣтъ»...

«Какъ выйти изъ этой двусмысленности, пусть рѣшаетъ почтенный профессоръ-инспекторъ самъ»...

Что прикажете отвѣчать на такую своеобразную критику? Ужъ не представить ли свидѣтельства отъ декана факультета, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія или самихъ слушателей, что я свои университетскія обязанности исполнялъ, какъ слѣдуетъ и никто отъ моего временнаго отсутствія не проигрывалъ. Разумѣется, къ этой критикѣ возможно одно только отношеніе—презирать и молчать, что я и дѣлалъ. Но тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, большинство публики тогда привыкло относиться къ печатной бумагѣ съ извѣстнымъ уваженіемъ, а Министерство Финансовъ даже при почтеннѣйшемъ и честнѣйшемъ изъ людей Н. Х. Бунге держалось правила Фамусова изъ „Горе отъ ума“: „а что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна“?... или ближе къ цѣли: „что скажетъ Н. А. Найденовъ и другіе московскіе купцы“?... И вотъ я ѣду въ Петербургъ, излагаю свои объясненія, ихъ любезно выслушиваютъ... соглашаются съ правильностью моихъ дѣйствій... и даже приглашаютъ обѣдать..., но просятъ, пожалуйста, быть потише... не возбуждать говора въ печати (это между такими то представителями ея, какъ Шараповъ??!). Но какъ я его могу привести къ молчанію, когда онъ получаетъ специально вознагражденіе отъ своихъ москов-

ских довѣрителей именно за то, чтобы не молчать, а сочинять?! *).

Г. Шараповъ и его московскіе друзья, такъ въ послѣдствіи его огорчившіе, были настолько довольны своими извѣтami и въ то же время наивны, что имѣли дерзость предполагать, что, въ силу ихъ писанія и жалобъ, правительство должно немедленно убрать неугоднаго имъ чиновника, вмѣстѣ съ закономъ 2 Іюня, и предоставить имъ, по старому, безъ церемоніи обирать рабочихъ посредствомъ ихъ харчевыхъ лавокъ. Въ головѣ г. Шарапова, какъ онъ это откровенно излагаетъ въ №№ 34 и 35 «Русскаго Дѣла» (отъ 16 Декабря 1886 г.), сложился такой удивительный силлогизмъ:

«Для начальства остается два пути: или стать на сторону своего агента (т. е. инспектора)... но тогда его нужно оправдать или обѣлить (?) или признать обвиненіе (г. Шарапова) доказаннымъ и агента отпустить и выразить ему порицаніе»... «Подвергнись наша газета какой-нибудь репрессіи за статьи о московской инспекціи, мы бы знали, какъ смотреть на фабричное дѣло центральной власти и, конечно, больше этого вопроса касаться бы не стали»... (!!!).

По логикѣ г. Шарапова, короче, все дозволительно, за что его не бьютъ палкой!!.

«Вышло, однако, не то, продолжаетъ г. Шараповъ. И «Русское Дѣло» и г. Янжуль оба здравствуютъ. Газетѣ предоставляется совершенно свободно обвинять, а г. Янжулу, словно коту въ Крыловской баснѣ, «слушать и вѣсть»! Г. Министръ Финансовъ, какъ мы слышали, вызвавъ г. Янжула въ Петербургъ для частныхъ объясненій, вполнѣ одобрилъ его дѣятельность и благословилъ его на новые подвиги по части поддержки младшаго брата противъ кулаческаго ига фабрикантовъ».

* См. его собственное объясненіе по этому поводу въ № 8 «Русскаго Дѣла» за 11 Марта 1890 г. Здѣсь г. Сергій Шараповъ сводитъ счеты съ московскими промышленниками, для которыхъ онъ работалъ нѣсколько лѣтъ, по его словамъ, самымъ усерднымъ образомъ и по разнообразнымъ вопросамъ, въ томъ числѣ по фабричному (т. е. писательство противъ инспекціи и записка Министру Финансовъ отъ Всероссийскаго Купечества съ жалобами и доносами)... Но велика человѣческая неблагодарность.. «Купеческій трибунъ», какъ величали г. Шарапова, оказался кругомъ обманутымъ и обсчитаннымъ: за всѣ его разнообразныя услуги «милліонерамъ-промышленникамъ» онъ получилъ лишь самую малую толику денегъ, какъ онъ подробно высчитываетъ. Мало того, онъ встрѣтилъ «довольно ненависти, клеветы, инсинуаций» (короче—всего того, чѣмъ онъ угощалъ другихъ, надѣясь получить расплату иной монетой)... Неблагодарное купечество отобразо у него даже съ его журнала подписныя деньги!!.. И все это потому, что не сумѣлъ быстро прогнать инспектора!!!!.

Отношенія фабричной инспекціи къ фабрикантамъ г. Шараровъ имѣеть нелѣпость и безстыдство сопоставлять, ни мало, ни много, съ отношеніями Гоголевскаго Городничаго изъ «Ревизора» къ купцамъ!!; но и у него, наконецъ, зашевелилась если не совѣсть, то смыслъ, и онъ дѣлаетъ, противъ желанія, такую удивительную оговорку къ этому потоку фразъ и пустой болтовни противъ инспекціи.

«Впрочемъ, — говоритъ онъ, — г. Авдулинымъ у Сквозинна-Дмухановскаго жилось дегче, чѣмъ московскимъ фабрикантамъ у г. Янжула. Почтенный городничій былъ прежде всего человѣкъ со здравымъ смысломъ и яснымъ пониманіемъ своихъ задачъ. Онъ изобрѣталъ мѣропріятія, чтобы сорвать; разъ купцы откупились, онъ не только не уродуетъ, но помогаетъ, поддерживаетъ, ибо понимаетъ, что торговлю искоренять не слѣдуетъ».

«Г. Янжулъ не то. Онъ взятокъ не беретъ — и въ этомъ по истинѣ трагедія. Онъ уродуетъ по чистой совѣсти, переворачиваетъ кверху ногами всѣ фабричныя отношенія во имя безкорыстной идеи и откупиться отъ него нельзя, какъ нельзя, напримѣръ, отъ землетрясенія. Ахъ, еслибъ можно было откупиться! Не фабриканты, а рабочіе сдѣлали бы добровольную подписку; по копѣйкамъ собрали бы 50, 100 тысячъ рублей отступного нынѣшней фабричной инспекціи. Фабриканту меньше горя. Заперъ фабрику, взялъ ножницы и стрижетъ купоны, — а рабочему грозитъ голодъ, грозитъ рабочей вопросъ, усмиренія и прочія удовольствія..»

Конечно, и у г. Янжула есть защитники. За него тоже «общественное мнѣніе» въ лицѣ хотя бы, напримѣръ, обозрѣвателя «Вѣстника Европы», кричащаго въ восторгѣ: «солона, знать, пришла съ москвичамъ фабричная инспекція!», и г. Гольцева, сдѣлавшаго свирѣпую вылазку въ «Волжскомъ Вѣстникѣ», при чемъ сама редакция выдала г. Янжулу аттестатъ «лучшаго изъ инспекторовъ» (хороши выходятъ остальные!!):

Друзья-фабриканты г. Шарарова, однако, не теряютъ надежды на должную побѣду и на прекращеніе дѣятельности непріятнаго инспектора.

«Хотя, — говорится въ «Русскомъ Дѣлѣ» — побѣда съ внѣшней стороны осталась за г. Янжуломъ и московскому фабричному округу попрежнему солоно, далеко не всѣ фабриканты рѣшили сдаться на капитуляцію. Большинство надѣется на близкое освобожденіе отъ ига и неумоимо ишетъ цѣлые вороха жалобъ» (?!!).

Забывая совершенно, что всей Москвѣ было хорошо извѣстно, что г. «Купеческій трибунъ» состоитъ секретаремъ на жалованьѣ «Московского Отдѣленія Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», г. Шараровъ выдаетъ неосторожно свою дальнѣйшую дѣятельность по низ-

верженію Московской фабричной инспекціи. «Всякое средство хорошо, которое ведетъ къ цѣли!»

«Въ заключеніе скажемъ»,—говорится въ концѣ упомянутой статьи «Русскаго Дѣла»,—«что на вопросъ о фабричной инспекціи и ея часто нелѣпныхъ требованіяхъ обратило вниманіе Московское Отдѣленіе Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ. Въ засѣданіи Совѣта Отдѣленія, 3-го Декабря, организована специальная коммиссія, которая начнетъ свои работы съ пятницы, 12 Декабря, и представитъ Отдѣленію обстоятельный докладъ. Въ коммиссіи принимаютъ участіе выдающіеся промышленные дѣятели Московской губерніи»...

Вышеприведенныхъ образцовъ и изложенія общаго содержанія ругательной (не нахожу лучшаго слова для ея названія и характеристики) литературы противъ дѣятельности фабричной инспекціи и моей собственной совершенно достаточно, я полагаю, чтобъ составить себѣ должное о ней представленіе: пускалось въ ходъ все, чтобъ *заставитъ меня уйти изъ инспекторовъ* и чтобъ затормозить вообще исполненіе закона 3 Іюня. Меня учили въ неправильномъ толкованіи и примѣненіи закона,—по справкамъ въ Петербургѣ, однако, оказалось, что я толкую правильно, да и было бы странно, если бы было иначе, такъ какъ я вѣдь былъ одинъ изъ авторовъ этого закона и участвовалъ въ его редакціи; изыскивали всякіе способы найти какой-нибудь мой промахъ или слабость, чтобы обнести меня передъ начальствомъ или даже, такъ сказать, совратить съ пути добродѣтели!... Одинъ мой старый знакомый изъ фабричнаго міра, шутя, передавалъ мнѣ, что у него справлились, какъ можно лучше ко мнѣ подѣхатъ—не люблю ли я, на примѣръ, кутнуть въ хорошей компаніи въ Стрѣльнѣ?!...

Такъ какъ у меня въ послѣдній годъ моего инспекторства, особенно въ 1887 году, съ утра до вечера толпился народъ, то я нѣсколько разъ былъ неприятно удивленъ, что за каждымъ моимъ шагомъ какъ будто бы слѣдили и знали всегда, гдѣ я нахожусь или что дѣлаю... Количество ругательныхъ писемъ, притомъ съ угрозами не только личнаго оскорбленія, но быть жестоко избитымъ, начало учащаться... По совѣту своихъ друзей, я обзавелся маленькимъ карманнымъ револьверомъ и возилъ его при себѣ во время разъѣздовъ, особенно по ночамъ, въ окрестностяхъ Москвы... Жену мою также разные соболѣзнователи старались настраивать на

тому объ опасности чуть ли не за мою жизнь и смущали ее во время моихъ долгихъ разъѣздовъ по фабрикамъ. Тутъ даже случилось одно странное обстоятельство, которое я до сихъ поръ не знаю, какъ объяснить: въ тотъ годъ (1887), во время временнаго прекращенія разъѣздовъ по фабрикамъ по какой-то причинѣ (вѣроятно, вслѣдствіе писанія Польскаго Отчета), я спряталъ ненужный револьверъ въ потайной ящикъ моего стариннаго «секретэра», набитаго инспекторскими бумагами. Когда онъ мнѣ понадобился затѣмъ въ ближайшій разъ, при поѣздкѣ на фабрику, то, къ моему неприятому изумленію, въ потайномъ ящикѣ его не оказалось: очевидно, револьверъ былъ украденъ какимъ-то «домашнимъ» воромъ, который остался до сихъ поръ неизвѣстнымъ... Все это не могло меня не тревожить, такъ какъ походило на какую-то преднамѣренность; но скорый затѣмъ отъѣздъ на все лѣто за границу и послѣдующія событія (отставка) заставили меня объ этомъ забыть...

Изо всѣхъ нелѣпыхъ и вздорныхъ обвиненій противъ меня, съ образцами которыхъ мы познакомились выше, наибольшее вниманіе въ Петербургѣ заслужило самое бессмысленное, повидимому, заподозриваніе меня въ желаніи или намѣреніи поколебать, будто бы, въ рабочемъ людѣ вѣру въ святость и необходимость постной пищи изгнаніемъ де всѣхъ постныхъ продуктовъ изъ фабричныхъ харчевыхъ лавокъ!? Мы видѣли уже по этому поводу въ одной изъ вышеприведенныхъ газетныхъ выдержекъ гнусную выходку г. Ша-рапова. Приведу еще одну:

«Пока остаемся при недоумѣніи, какое значеніе слѣдуетъ придавать исключенію изъ таксы именно при наступленіи поста почти всей постной пищи. Надѣется ли г. Янжуль сразу «просвѣтить» рабочихъ, отмѣнивъ «предразсудокъ» постовъ, неудобныхъ по климату, и замѣнивъ и въ этомъ отношеніи вселенскій соборъ, который, по мнѣнію нашихъ либераловъ, допустилъ замѣчательный пробѣлъ, не принявъ въ соображеніе гигиеническихъ и климатическихъ условий, или предполагается на первый разъ ограничиться лишь штрафомъ съ тѣхъ рабочихъ, которые будутъ продолжать постигаться и, слѣдовательно, покупать постную пищу по произвольнымъ цѣнамъ» («Русское Дѣло» 15 ноября 1886 г.)

Мнѣ сообщили изъ Петербурга частнымъ образомъ, что на меня, будто бы, жаловались или доносили по этому дикому вопросу въ Синодъ, — я уже не знаю, въ какой формѣ.

Благожелатели совѣтовали немедленно явиться въ Петербургъ, дабы объясниться по данному поводу и устранить этимъ доносъ. Хотя я и самъ лично немного зналъ К. П. Побѣдоносцева, но мнѣ было даже смѣшно и стыдно обращаться къ нему по такому вопросу; поэтому, послѣ нѣкотораго колебанія, я рѣшилъ обратиться къ старому знакомому В. К. Плеве—тогда еще Товарищу Министра у графа Толстого. Онъ принялъ меня весьма любезно; но, къ моему смущенію, когда я ему началъ въ шуточной формѣ рассказывать про обвиненіе меня въ отвлеченіи рабочихъ отъ постной пищи, онъ замѣтилъ мнѣ, что это обвиненіе очень серьезное и напрасно я шучу, но что, разумѣется, онъ убѣжденъ, что относительно меня это обвиненіе нелѣпо (мы были знакомы съ Плеве чуть не съ университетской скамьи)... Затѣмъ онъ просилъ меня побывать у него еще разъ, черезъ нѣсколько дней, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду этотъ вопросъ выяснить... Черезъ нѣсколько дней, я явился къ нему вновь; В. К. П. объявилъ мнѣ, что онъ переговорилъ по моему вопросу, съ кѣмъ слѣдуетъ и устроилъ это дѣло, такъ что я могу спокойно возвращаться домой, но что я въ будущемъ „долженъ быть какъ можно осторожниѣе и не возбуждать болѣе подобныхъ вопросовъ по своей фабричной дѣятельности“... Sic! Выслушавъ этотъ совѣтъ, я поблагодарилъ его за то, что онъ для меня сдѣлалъ, и вернулся домой.

Кстати, въ это же наше свиданіе въ концѣ Декабря 1886 года В. К. Плеве много разспрашивалъ меня о дѣйствиіи и примѣненіи закона 3 Іюня 1886 г. Выслушавши мой отвѣтъ, Плеве обратился ко мнѣ съ просьбой составить для него Докладную Записку по этому вопросу, т. е. о выяснившихся недостаткахъ даннаго закона. Разумѣется, я охотно обѣщаль ему это сдѣлать и черезъ короткое время составилъ ему въ Москвѣ эту Докладную Записку и выслалъ въ Петербургъ, рассчитывая, что Плеве воспользуется этой Запиской при дальнѣйшихъ работахъ надъ фабричными законами, и никакъ не предполагая, что я самъ скоро уйду отъ пракческаго выполненія закона и этихъ работъ! Точная копія этой Записки, очень характерной для ознакомленія съ недостатками, обнаруженными въ законѣ 3 Іюня на первыхъ же

порахъ его примѣненія, помѣщена въ Приложеніи къ настоящей книгѣ моихъ „Воспоминаній“.

Мнѣ неизвѣстна судьба этой Докладной Записки въ рукахъ Плеве и я не знаю, воспользовался ли онъ моими указаніями, напримѣръ, въ послѣдовавшей затѣмъ Комиссіи по выработкѣ фабричныхъ законовъ или нѣтъ, но, къ сожалѣнію, и это несомнѣнно, что моими соображеніями въ данной запискѣ воспользовались противники этого закона. Въ 1887 году пріѣзжалъ въ Москву академикъ В. П. Безобразовъ и, заявивши мнѣ, что онъ въ данное время занимается фабричными законами, просилъ меня не оставить его совѣтами и помощью. Въ виду этой просьбы, я его охотно снабдилъ разнообразнымъ матеріаломъ, который у меня имѣлся тогда по этому вопросу и между прочимъ В. П. Б. у меня специально выпросилъ копию вышеназванной Записки, уже отосланной на имя Плеве, по поводу закона 3 Юня 1886 г. Я совершенно не зналъ, и онъ объ этомъ умалчивалъ, что онъ имѣлъ официальное порученіе изложить свои соображенія по поводу всѣхъ новыхъ фабричныхъ законовъ отъ новаго Министра И. А. Вышнеградскаго... Когда я получилъ обратно свою Записку (много мѣсяцевъ спустя), то былъ непріятно удивленъ, что она вся была исчеркнута синимъ карандашомъ и исписана неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ различными, большею частью, непріязненными замѣчаніями... Уже нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ смерти В. П. Б., котораго мнѣ не пришлось болѣе въ жизни видѣть, я узналъ объ „Отчетѣ“, имъ написанномъ, въ виду взятаго имъ порученія Вышнеградскому, и познакомился съ его содержаніемъ. Оказалось, что авторъ Отчета этого въ значительной степени воспользовался моей Запиской, развивши сдѣланныя неизвѣстно чьей рукой на поляхъ ея замѣчанія *).

*) См. «Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи». Печатано по распоряженію Департамента Мануфактуръ и Торговли. СПб. Типографія В. Безобразова и К^о (годъ не обозначенъ, но судя по содержанію, 1888 или 1889 г.).

Не была ли моя «Докладная Записка» первоначально через посредство Безобразова въ рукахъ И. А. Вышнеградскаго? Не его ли замѣчанія и поправки? Къ сожалѣнію, его почерка я не знаю.

Своей Запиской я сообщил почтенному академику нужные для него практическія свѣдѣнія (находившіяся въ рукахъ В. К. Плеве), которыхъ у него не доставало и которыми бы, разумѣется, я не сталъ бы съ нимъ дѣлиться, если бы зналъ, для какой цѣли они ему нужны.

Главнымъ отправнымъ пунктомъ „Отчета“ В. П. Безобразова является та точка зрѣнія его, которая для меня, какъ и для всѣхъ читателей его произведеній отнюдь не составляла тайны. Въ качествѣ извѣстнаго фритредера — сторонника свободной торговли въ широкомъ смыслѣ, — академикъ Безобразовъ естественно долженъ былъ быть въ нѣкоторой степени противникомъ всякаго законодательнаго вмѣшательства въ экономическую дѣятельность *). Но я никакъ не предполагалъ, чтобы вліяніе доктрины, давно отжившей и отвергнутой въ наукѣ, или же вліяніе такихъ дѣятелей, какъ Вышнеградскій, могли бы быть такъ сильны, что нашъ ученый академикъ отказался отъ всѣхъ поправокъ экономической науки, самой жизни и законодательства во всѣхъ культурныхъ странахъ, порядки которыхъ академикъ долженъ былъ бы знать! Такъ, если не придавать значенія различнымъ экивокамъ и оговоркамъ, представляющимъ только обходы совѣсти, В. П. Б. выступаетъ собственно противъ всего фабричнаго и рабочаго законодательства, не признаваемого въ восьмидесятыхъ годахъ только г. Вышнеградскимъ и его присными. Онъ одинаково возстаетъ и противъ регулированія работы малолѣтнихъ, и противъ обязательныхъ фабричныхъ школъ, и противъ запрещенія ночной работы женщинъ и подростковъ, и противъ регулированія таксы фабричныхъ лавокъ, противъ утвержденія таблицы заработной платы, противъ мѣръ относительно забора рабочихъ въ кредитъ, или на наличныя, и вообще стоитъ противъ всякой законодательной и административной регламентаціи, въ чемъ бы она ни выражалась, но въ пользу рабочихъ и для ограниченія произвола хозяевъ; онъ повторяетъ исключительно

*) См. основательный, но слишкомъ свисходительный разборъ книжки г. Безобразова въ Докладъ В. Г. Яроцкаго, читанномъ въ засѣданіи Административнаго Отдѣленія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества. «Журналъ Гражд. и Уголовн. Права». Книга 1-ая 1890 г.

лишь ходячую точку зрѣнія всѣхъ дѣльцовъ противъ филантропическихъ чувствъ въ дѣлѣ благоустройства фабричныхъ отношеній. „Законъ и администрація“, — говоритъ онъ, — „должны строго воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ экономическія отношенія между нанимаемыми и нанимателями“. Рабочій вопросъ въ Россіи онъ не признавалъ существующимъ и опасался, что „филантропія“ можетъ возбудить или вызвать такой вопросъ... Во всемъ фабричномъ законодательствѣ долженъ господствовать по его мнѣнію лишь „репрессивный или карательный“ характеръ отношеній (въ формѣ наказаній за нарушеніе закона), а отнюдь не „превентивный или предупредительный“ *).

Вообще, по мнѣнію Безобразова, представляющаго, очевидно, здѣсь воззрѣнія И. А. Вышнеградскаго, на фабричную инспекцію слѣдуетъ смотрѣть, какъ на специальную отрасль государственной полиціи, задача которой заключается въ охранѣ общества отъ правонарушенія или, говоря иначе, ея дѣятельность должна быть устремлена главнѣйше къ юридической охранѣ нанимаемыхъ и нанимателей противъ взаимныхъ правонарушеній... „Всего менѣе должно смотрѣть на фабричную инспекцію, какъ на какой-то новый органъ правительственной власти, призванный къ прямому экономическому улучшенію быта рабочаго класса и къ возвышенію уровня его благосостоянія, матеріальнаго и нравственнаго“ (!?..).

Такимъ образомъ обязанности инспектора, согласно этимъ взглядамъ ученаго академика, сводятся къ одной функціи — охранѣ, т. е. обязанности городского, или еще скорѣе ночного сторожа.

Вполнѣ понятно становится послѣ этого указанное выше обѣщаніе Вышнеградскаго (въ разговорѣ съ Н. А. Алексѣевымъ) превратить фабричныхъ инспекторовъ въ „становыхъ приставовъ“!..

Въ полномъ логическомъ противорѣчій, однако, съ этимъ доктринерскимъ уничтоженіемъ всякой разумной дѣятельности

*) См. «Предисловіе» къ настоящей книгѣ, по поводу реформы фабричной инспекціи.

въ инспекторѣ и превращеніи его въ механическаго автомата, или въ какой-то сторожевой аппаратъ, находится сужденіе г. Безобразова о наличномъ персоналѣ фабричной инспекціи— его нравственныхъ и умственныхъ качествъ. Здѣсь, очевидно, движимый своей внутренней порядочностью и пріязнью къ лично знакомымъ ему Московскимъ и Владимірскимъ инспекторамъ, В. П. Б. утверждаетъ уже на основаніи собственныхъ наблюденій, что „личный составъ фабричной инспекціи вообще превосходенъ и въ нравственномъ и умственномъ отношеніи“... „о злоупотребленіяхъ и прямо недобросовѣстныхъ поступкахъ со стороны инспекціи не можетъ быть и рѣчи“; „самые злостные враги новыхъ фабричныхъ порядковъ ее въ этомъ не обвиняютъ“.. Всѣ неудовольствія или жалобы на инспекцію онъ объясняетъ „излишней строгостью“ (!?.), „ненужнымъ рвеніемъ“ (!?.), „неопытностью“ (!?.), „увлеченіемъ филантропическими идеями“ и т. п. и т. п. Очевидно, не сознавая всей нелѣпости противорѣчія своего желанія превратить инспекцію столь высокаго, по его мнѣнію, состава въ „городовыхъ“ и простой несовмѣстимости этой роли съ указанными качествами *), В. П. Б. совѣтуетъ въ то же время „беречь безкорыстную любовь къ дѣлу у инспекторовъ, хотя бы связанную съ увлеченіями“... Онъ рекомендуетъ въ одно и то же время отсѣчь у инспекторовъ „фанатическія стремленія къ дѣлу“, но сохранить „любвь къ дѣлу, личный умственный интересъ къ нему“..., который обусловливаетъ ту безукоризненную честность, которую признають за ея личнымъ составомъ даже недоброжелатели въ промышленномъ мірѣ“... Далѣе желательно также, по его мнѣнію, чтобы „это, не всегда у насъ встрѣчающееся, рвеніе къ дѣлу не остыло, какъ это нерѣдко случалось“... „Нельзя не дорожить“,

*) «Выборъ нывѣшняго состава нашей фабричной инспекціи»—говорится на стр. 24 «Отчета» Безобразова, «тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы и всѣ несовершенства его тѣмъ болѣе извинительны, что для этой совсѣмъ новой должности должна теоретически подготовиться и практически выработаться новая особая категория должностныхъ лицъ; эта должность требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ такихъ свойствъ и знаній, какія рѣдко соединяются вмѣстѣ, между прочимъ знаній техническихъ, юридическихъ, экономическихъ (въ томъ числѣ чисто практическихъ, хозяйственныхъ) и административныхъ»...

говорить онъ, „добрымъ нравственнымъ духомъ, который водворился въ этой новой отрасли нашей администраціи“ и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ короче: почтенный академикъ желаетъ въ настоящемъ случаѣ соединить два несомвѣстимыхъ желанія: онъ думаетъ, что можно „и невинность соблюсти и капиталъ приобрести“... Нельзя между тѣмъ, конечно, одновременно требовать отъ исполнителя—любви къ дѣлу, идеальнаго стремленія къ наилучшему его осуществленію, уваженія къ святости обязанностей и въ то же время—ограничить его механическимъ выполненіемъ одной лишь охранительной функціи!!.. Очевидно, В. П. Безобразовъ не понималъ нелѣпости и несомвѣстимости этого узко полицейскаго представленія объ обязанностяхъ фабричной инспекціи, не понималъ и его патронъ Министръ Вышнеградскій и не понимаютъ этого многія, смѣю думать, высокопоставленные лица и до настоящаго времени... „Нельзя въ одно и то же время поклоняться и Богу и Мамонѣ“!!..

Время между тѣмъ усиленнымъ темпомъ приближалось къ кризису: всѣ извѣстія изъ Петербурга подтверждали, по видимому, первоначальный планъ Вышнеградскаго передать инспекцію Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, но тутъ, къ его удивленію, онъ встрѣтилъ наконецъ нѣкоторое противодѣйствіе въ самихъ фабричныхъ кругахъ по причинамъ, которыя мы когда-то во Введеніи къ настоящимъ „Воспоминаніямъ“ указывали: г.г. фабриканты вполне здраво рассуждали, что „отъ хорошаго лучшаго не ищутъ“ и предпочитали поэтому оставаться за Министерствомъ Финансовъ, не желая рисковать какимъ-нибудь самостоятельнымъ, какъ Плеве, Министромъ Внутр. Дѣлъ, который, при случаѣ, могъ ихъ согнуть въ „бараній рогъ“!!..

Весну 1887 года я усиленно работалъ надъ своимъ Польскимъ Отчетомъ, ускоренія котораго потребовалъ Вышнеградскій. Между тѣмъ время въ фабричномъ мірѣ было очень смутное и происходили забастовки, сопровождаемыя т. н. беспорядками, т. е. разграбленіемъ, драками и т. п. то въ той, то въ другой фабрикѣ... Меня очень часто будили по ночамъ звонки телеграфистовъ и надо было ѣхать немед-

ленно самому или кому-нибудь изъ помощниковъ на фабрику, гдѣ происходило волненіе... Въ большинствѣ случаевъ прекращеніе беспорядковъ являлось дѣломъ крайне сложнымъ, неприятнымъ и труднымъ: обѣ стороны были упорны и одинаково не поддавались на уговоръ и соглашеніе; обычный же способъ приглашенія на фабрику казаковъ претилъ и вызывалъ мое большое противодѣйствіе. Очень часто я видѣлъ, напримѣръ, на той или иной фабрикѣ, что рабочіе, положимъ, были правы, но не имѣлъ силы и власти по закону повергнуть рѣшеніе въ ихъ пользу—съ другой стороны, когда даже это удавалось, рабочіе начинали предъявлять такія чрезмѣрные требованія, которыя разстраивали мою сдѣлку съ хозяевами въ ихъ пользу и мнѣ приходилось потомъ лишь раскаиваться въ своихъ настояніяхъ...

Вообще положеніе инспектора становилось болѣе и болѣе нестерпимымъ и я исхлопоталъ себѣ мѣсячный отпускъ (въ Мартъ мѣсяцѣ), чтобы имѣть возможность скорѣе развязаться съ Польскимъ Отчетомъ. Вотъ что писала по этому поводу отъ 17 Апрѣля моя жена: „Отчетъ нашъ придвигается къ концу, т. е. диктованіе его; переписка же будетъ продолжаться еще нѣсколько недѣль, при чемъ мы дѣлимъ ее между мною и Власовымъ (секретаремъ мужа). По окончаніи Ив. Ив. ѣдетъ въ Петербургъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ тутъ же подать въ отставку, такъ какъ должность фабричнаго инспектора все становится отяготительнѣе, а Министръ Вышнеградскій, какъ извѣстно отъ лицъ, близко къ нему стоящихъ, лично очень злобно настроенъ противъ Московскаго инспектора, да и всю инспекцію имѣетъ въ виду свести на нѣтъ“...

Возвратившись изъ Петербурга, я рѣшилъ, однако, приостановиться вопросомъ объ отставкѣ въ виду общаго совѣта всѣхъ моихъ друзей повременить до осени, чтобы дать возможность выясниться дальнѣйшей политикѣ; нѣкоторые увѣряли также, что осенью будетъ напечатанъ мой Отчетъ и навѣрное, благодаря его достоинствамъ, измѣнится непріязненное отношеніе ко мнѣ Вышнеградскаго. Кромѣ того осенью предполагалось новое собраніе Комиссіи подъ предсѣдатель-

ствомъ Плеве для дальнѣйшаго пересмотра фабричныхъ законовъ и мое участіе въ ней де необходимо.

Согласно данному Я. Т. Михайловскимъ обѣщанію и благодаря его ко мнѣ расположенію, мнѣ разрѣшили на лѣто двухмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья, а мои обязанности передали моему помощнику Никитинскому. Я вернулся изъ-заграницы значительно поправившимся отъ тамошняго леченія и отдыха, но увы! настроеніе моего духа нисколько не измѣнилось: всѣ извѣстія, получаемыя изъ Петербурга, указывали лишь и подтверждали продолженіе той же всеобщей реакціи въ дѣлѣ фабричнаго законодательства, которая началась со вступленія въ Министерство Вышнеградскаго. Ходили слухи, болѣе или менѣе дикіе, о намѣреніи „скрутить“ инспекцію, свести ее до нуля и окончательно испортить тѣ или иные старые законы... Одинъ изъ пріятелей сообщилъ мнѣ, напр., что въ разговорѣ съ нимъ Министръ отзывался чрезвычайно рѣзко обо мнѣ, характеризуя меня не иначе какъ словомъ „соціалистъ“, что, очевидно, на его языкѣ было самымъ ораннымъ.—Другой сообщилъ мнѣ изъ Петербурга специальнымъ письмомъ, что мой Польскій Отчетъ Министръ прочелъ и „разноситъ“.—Наконецъ, третій, мой бывший ученикъ, прислалъ мнѣ длинное письмо опять таки специально по тому же поводу *съ убѣдительнымъ советомъ поскорѣй уйти въ отставку* изъ инспекторовъ, чтобы Министръ Финансовъ не могъ иначе испортить, благодаря своему нерасположенію ко мнѣ и своей силѣ, даже моей профессорской дороги,—что онъ де злопамятенъ и никогда не забываетъ своихъ намѣреній и т. д....

Дѣятельность фабричныхъ присутствій въ то же время меня удовлетворяла все менѣе и менѣе: обвинительные приговоры, которые мнѣ удалось провести въ нихъ съ большой борьбой за злоупотребленія нѣкоторыхъ крупныхъ фабрикантовъ, вызвали апелляціи и были въ Министерствѣ Финансовъ положены подъ сукно—Фабричное Присутствіе постановляло свои рѣшенія, а Министерство какъ бы ихъ молчаливо отмѣняло и дѣло не двигалось съ мѣста: происходило какъ бы повтореніе извѣстной басни: „Лебедь, ракъ и щука“!.

Послѣ долгаго колебанія и сомнѣнія я пришелъ, наконецъ,

къ заключенію о бесполезности и даже невозможности своей дальнѣйшей инспекторской службы: никакого просвѣта въ будущемъ не предвидѣлось и только одна мрачная сила давила и портила все немногое сдѣланное. 27 Августа 1887 года я написалъ свое прошеніе объ отставкѣ на имя Директора Департамента Бера, но послалъ его сначала по порядку инстанціи Я. Т. М.

Едва я сдѣлалъ этотъ шагъ, какъ со всѣхъ сторонъ на меня набросились протестанты. Я. Т. М. немедленно отвѣчалъ и убѣдительно просилъ не уходить. Затѣмъ явились ко мнѣ помощники по инспекціи съ просьбой также не спѣшить уходить и не покидать свое дѣло чуть не въ началѣ... Обычные доводы, что время можетъ де измѣниться къ лучшему, что, наконецъ, я де нуженъ для судьбы фабричнаго законодательства, какъ участникъ ближайшей Коммиссіи Шлеве, которая де безъ моей помощи не можетъ дѣйствовать, какъ слѣдуетъ и т. д. и т. д. Въ этомъ же смыслѣ они немедленно сочинили и отослали отъ себя большую телеграмму и письмо Михайловскому: „*Nonno sum et nihil humani alienum puto*“... Все это меня растрогало и поколебало на время мое твердо сложившееся рѣшеніе и 1 Сентября я написалъ Михайловскому слѣдующее письмо: „Глубокоуважаемый Яковъ Тимофеевичъ! Вчерашнее письмо моихъ помощниковъ было первымъ отвѣтомъ на Ваше письмо и объяснило дѣло. Ваши доводы, подтвержденные ихъ настояніемъ и просьбами, заставили меня дать имъ согласіе просить Васъ оставить мое прошеніе безъ движенія. Я обѣщался имъ повременить, т. е. подождать созыва Коммиссіи и ея ближайшихъ результатовъ, хотя впрочемъ я ничего хорошаго не предвижу... Исполняя мое обѣщаніе, я покорнѣйше прошу Васъ, если Вы не передали еще мое прошеніе въ Департаментъ—положить его подъ сукно или возвратитъ мнѣ. Съ нетерпѣніемъ въ такомъ случаѣ буду ожидать созыва Коммиссіи. Если же прошеніе уже поступило въ Департаментъ ранѣе настоящаго дня, то „*laissez faire, laissez passer*“!.. Я лично, помимо взятаго съ меня слова, былъ бы даже довольнѣе послѣднимъ.. Спѣшу отправить письмо, а потому ограничусь лишь этими немногими

строками. Жму Вашу руку и желаю всего лучшаго въ этомъ (обратно съ утверждениемъ Д-ра Панглоса) наисквернѣйшемъ изъ міровъ"... Въ постскриптумѣ я прибавлялъ еще: „Мнѣ очень стыдно за мою слабость воли, которая дозволила меня отговорить отъ разъ твердо принятаго рѣшенія и тянуть далѣе нестерпимую канитель“!..

Не дождавшись, однако, отвѣта на мое письмо, я написалъ скоро Я. Т. М. другое (отъ 10 Сентября). „Мнѣ крайне прискорбно Вамъ сообщить“, говорю я въ этомъ второмъ письмѣ, „что вслѣдствіе полученныхъ мною изъ Петербурга извѣстій о неопредѣленности времени созванія Комиссіи, а также и по другимъ соображеніямъ, я вынужденъ отказаться отъ обѣщанія, даннаго мною помощникамъ и вновь торопиться уйти изъ Министерства Финансовъ... Я знаю, что при добромъ ко мнѣ расположеніи, Вы будете очень огорчены этимъ извѣстіемъ, но я „вынужденъ это сдѣлать“, по причинамъ, которыя было бы долго и неудобно излагать въ письмѣ. Чтобы ускорить дѣло, я рѣшился на этотъ разъ „сжечь корабли“ и, минуя должную инстанцію, послалъ новое прошеніе объ отставкѣ прямо А. Б. Беру, въ чемъ у Васъ опять таки прошу извиненія, и надѣюсь, что Вы не сохраните поэтому обо мнѣ дурную память. Прошу лишь объ одномъ—не задерживать далѣе хода дѣла... Разумѣется, я надѣюсь, что тотчасъ же по полученіи Министерскаго утвержденія моей отставки, Вы сдѣлаете распоряженіе о передачѣ мной всѣхъ бумагъ одному изъ моихъ помощниковъ, такъ какъ эти бумаги и пріемы фабрикантовъ буквально выживаютъ меня изъ квартиры“...

Не прошло двухъ недѣль, какъ я получилъ отъ Бера официальное уведомленіе, что Министръ согласенъ на мое увольненіе отъ должности фабричнаго инспектора: очевидно, Вышнеградскій очень былъ радъ со мною развязаться и доволенъ моей просьбой объ отставкѣ, которую немедленно подпisałъ, какъ только ему подали... Итакъ, совершилось: съ сомнѣніями и колебаніями, 30 Августа 1882 г. я принялъ должность фабричнаго инспектора, счастливый сознаниемъ, если смогу принести посильную пользу своей работой новому симпатичному дѣлу правительства. Въ Сентябрѣ 1887 г.,

т. е. почти ровно через пять лѣтъ, убѣдившись въ безсиліи своемъ, въ дѣйствительности, принести какую-либо пользу любимому мной рабочему вопросу, я покинулъ эту должность, съ сокрушеннымъ сердцемъ объ интересахъ русскаго общества и русскаго народа, который такъ сильно нуждался въ правильной постановкѣ и разрѣшеніи рабочаго вопроса и фабричнаго законодательства, но зато, какъ человекъ въ своихъ личныхъ интересахъ, я былъ въ высшей степени счастливъ и доволенъ тѣмъ, что, по злобному выраженію Шарапова въ современномъ № „Русскаго Дѣла“, „вернулся въ первобытное состояніе“?!.. Возвратившись всецѣло къ наукѣ и профессурѣ, я очутился у стараго знакомаго дѣла, которое мнѣ не грозило всѣми перечисленными неприятностями и шипами инспекторскихъ обязанностей и, обезпечивая покойное существованіе, давало и даетъ нравственное и умственное удовлетвореніе... Тѣмъ не менѣе я не могу забыть и не забуду, вѣроятно, до самой смерти своей сравнительно кратковременной фабрично-инспекторской дѣятельности... Я считаю всегда это инспекторство за лучшую страницу изъ исторіи моей жизни. Въ полной силѣ и цвѣтѣ лѣтъ, проникнутый лучшими стремленіями своей юности (шестидесятыхъ годовъ), я мечталъ своимъ трудомъ принести родинѣ посильную лепту въ разрѣшеніи многотруднаго и важнаго рабочаго вопроса, который долженъ отразиться на всемъ ея будущемъ... Если мнѣ не удалось ничего сдѣлать, если даже пришлось, какъ раненому бойцу, покинуть, вскорѣ же, поле сраженія, то я въ этомъ не считаю себя виновнымъ.—Я пришелъ къ заключенію, что не могу и не въ моихъ силахъ что-либо сдѣлать полезнаго для хорошаго дѣла.. *Feci, quod potui!..* *).

*) Считаю долгомъ къ этому прибавить, что долгие всѣхъ память о моей инспекторской дѣятельности сохранили, повидимому, Московскіе рабочие: по крайней мѣрѣ, много лѣтъ даже спустя послѣ моей отставки, я продолжалъ въ большомъ количествѣ получать письма съ фабрикъ Московской губерніи отъ рабочихъ съ разнообразными просьбами о заступничествѣ и тѣми или иными жалобами; нѣкоторые изъ нихъ были поистинѣ трогательными и я нѣсколько разъ пересылалъ ихъ съ своими письмами замѣнившему меня Московскому инспектору Н. Я. Никитинскому. Многие изъ этихъ просителей были такъ наивны, что въ простотѣ душевной продолжали еще долго меня считать инспекторомъ и величали этимъ именемъ.. Немногіе, впрочемъ, уже знали, что я больше не инспекторъ и тѣмъ не менѣе просили за нихъ «заступиться» или, по меньшей мѣрѣ, дать совѣтъ, что дѣлать... Черезъ

Въ настоящее время, подводя итоги и выводы тому, что говорилось и думалось во время писанія моихъ настоящихъ „Воспоминаній“, я прихожу къ слѣдующимъ важнѣйшимъ заключеніямъ, фактическое обоснованіе которыхъ разбросано на страницахъ настоящей книги, и пусть любознательные читатели, желающіе болѣе наглядно въ истинѣ ихъ убѣдиться, сами его разыскиваютъ:

1) Своевременная хорошо задуманная и хорошо проведенная государственная и общественная реформа фабричнаго быта и отношеній промышленныхъ классовъ, я не сомнѣваюсь, ослабила бы все зло настоящей продолжительной смуты и революціоннаго періода нашей русской жизни. Если бы еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія были удовлетворительно разрѣшены вопросы объ упорядоченіи общаго фабричнаго быта, о дѣтской и женской работѣ, о продолжительности работы, о вознагражденіи, разрѣшено было бы постепенно рабочимъ право собраній и коалицій — несомнѣнно, мы бы теперь уже имѣли составъ совсѣмъ другихъ рабочихъ, во всѣхъ отношеніяхъ умѣреннѣе, разумнѣе въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ, умѣющихъ управлять собой и уважающихъ чужія права. Громкая фраза не являлась бы для нихъ лозунгомъ и они бы не шли, какъ послушное стадо за первымъ вожакомъ изъ социаль-демократовъ, который ихъ увлекаетъ эквилибристикой языка и вздорными обѣщаніями! Нѣтъ, рабочіе, подготовленные нѣкоторымъ самоуправленіемъ и уваженіемъ къ своимъ правамъ, не составляли бы такую невѣжественную и необузданную толпу, которую легко направить на самое сильное нарушеніе собственныхъ интересовъ (напр., хотя бы обратное требованіе вкладовъ изъ ссудосберегательныхъ кассъ и пр.), какъ это наглядно показали Октябрьскія и Ноябрьскія событія за-

одинадцать лѣтъ послѣ моего ухода изъ инспекторства я вышелъ въ отставку изъ профессоровъ Московскаго Университета и, избранный членомъ Академіи Наукъ, въ 1898 году, покинулъ навсегда Москву... и тѣмъ не менѣе даже въ Петербургѣ я продолжалъ получать изрѣдка прошенія и жалобы отъ незнакомыхъ рабочихъ изъ Москвы; онѣ прекратились лишь послѣдніе пять лѣтъ!.. Очень можетъ быть, впрочемъ, что этому всему косвенно содѣйствовала та же ругательная литература г. Шарапова и К^о, которая увеличила и усилила въ глазахъ рабочихъ мое значеніе и вліяніе какъ «Жупела» для гг. фабрикантовъ!! Sic!..

прошлаго года! Крайностями и эксцессами всегда и вездѣ отличаются люди, которые не имѣютъ законнаго и естественнаго выхода своимъ желаніямъ и стремленіямъ: объѣдаются чаще всего, напр., люди, которые долго голодали, опиваются, кто долго не пилъ; необузданностью и буйствомъ отличаются, наконецъ, часто тѣ люди, которые не имѣли возможности проявленія своихъ силъ и энергіи и т. д.

Съ другой стороны, если бы своевременныя твердо проведенныя фабричныя реформы ослабили настоящую революцію или, точнѣе, ея дурныя стороны, зато реформы, начатыя и легкомысленно брошенныя или незаконченныя, по моему серьезному убѣжденію, не только въ дѣйствительности не принесли никакой пользы, но даже вызвали наоборотъ вредныя послѣдствія, съ которыми приходится теперь и позже считаться. До закона 3 Іюня 1886 г. русскіе рабочіе собственно никакихъ правъ, какъ рабочіе, не имѣли, даже священнаго права, признаваемаго во всемъ свѣтѣ, на свой собственный заработокъ, въ строгомъ смыслѣ не было. Законъ Плева 3 Іюня далъ имъ впервые нѣкоторыя человѣческія права и обѣщаль имъ взвѣтную защиту отъ произвола и алчности дурныхъ хозяевъ (потому что относительно хорошихъ хозяевъ никакихъ законовъ не нужно). Что же дальше произошло? Дальше получилось то, что такъ мѣтко выражается нашей народной присказкой-прибауткой ко всѣмъ сказкамъ: «затѣмъ былъ пиръ на весь міръ — и я тамъ былъ, медъ, вино пилъ — по усамъ текло, а въ ротъ не попало!» Такъ случилось и съ нашими рабочими: они вкусили въ законѣ 3 Іюня 1886 г. сладость немногихъ первичныхъ правъ и затѣмъ далѣе все остановилось: въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства съ 1886 года не только не было сдѣлано въ интересахъ рабочаго класса ни одного шага впередъ, но даже не выполнялось, старательно искажалось и вытраивалось немногое изъ того хорошаго, что они случайно получили!..

2) Другое заключеніе, которое неизбежно вытекаетъ изъ вашихъ «Воспоминаній», состоитъ въ томъ несомнѣнномъ вредѣ, который эта дурно проведенная и незаконченно брошенная реформа фабричнаго законодательства нанесла дѣлу русскаго народнаго образованія. Какъ мы припомнимъ, пунктъ 5-ый

статьи I-ой Закона о малолѣтнихъ рабочихъ 1-го Юня 1882 г. («предоставить возможность посѣщенія учебныхъ заведеній не менѣе 3-хъ часовъ» и т. д.) былъ первоначально всеми одинаково понятъ, какъ фабрикантами, такъ и инспекціей въ томъ смыслѣ, что центръ тяжести или заботы объ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ такъ или иначе лежитъ на владѣльцахъ тѣхъ заведеній, гдѣ они работаютъ. Затѣмъ скоро, однако, какъ мы приводили (по мысли, говорили, Ермакова), послѣдовало отъ Министерства иное толкованіе, которое, между прочимъ, чрезвычайно нравится академику Безобразову въ его Отчетъ (!), что смыслъ этого распоряженія закона состоитъ въ томъ, чтобы фабриканты лишь не препятствовали посѣщенію школъ ихъ рабочими, а забота о школахъ переложена съ сильной стороны — фабрикантовъ на слабую — инспекторовъ (законъ объ обученіи малолѣтнихъ 12 Юня 1884 года).

Какъ извѣстно, результатомъ вышесказаннаго толкованія п. 5 ст. I Закона 1882 г. явился полный застой какихъ-либо заботъ объ образованіи малолѣтнихъ рабочихъ; мало того, благодаря ограниченію труда малолѣтнихъ или вѣнша-тельству въ него, нѣкоторые фабриканты закрыли даже бывшія школы, распустивши малолѣтнихъ. На мѣсто истиннаго толкованія закона, которое въ Англіи привело къ самымъ плодотворнымъ результатамъ и послужило основой ко всеобщему обученію, у насъ въ Россіи за упомянутымъ бюрократическимъ искаженіемъ смысла закона явилась вскорѣ другая бюрократическая выдумка: проектъ налога на фабрикантовъ для основанія школъ — выдумка, очень либеральная по внѣшности и убійственная для народнаго образованія въ дѣйствительности, ибо не ведетъ совсѣмъ къ своей цѣли, такъ какъ многія производства обходятся безъ труда малолѣтнихъ, и число ихъ на фабрикахъ вообще подвергается чрезвычайнымъ колебаніямъ по многимъ причинамъ, какъ это объяснялось въ свое время въ инспекторскихъ отчетахъ.

Итакъ, заключеніе наше сводится къ тому, что если бы двадцать лѣтъ тому назадъ п. 5 ст. I Закона 1-го Юня 1882 г. о малолѣтнихъ рабочихъ не былъ самовольно искаженъ и отмѣненъ Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ

(т. е. его инициативой), то въ настоящее время значительное (а не малое) число фабрикъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ имѣли бы хорошія школы, и все рабочее населеніе многихъ поколѣній было бы сплошь грамотно, пройдя эти школы, и фабричное школьное обученіе было бы въ Россіи, какъ и въ Англіи, можетъ быть, до нѣкоторой степени ячейкой всеобщаго обученія, о которомъ серьезно начинаютъ мечтать лишь теперь, черезъ двадцать лѣтъ. Наконецъ, большинство фабрикантовъ, нынѣ равнодушные къ вопросамъ образованія и сами часто не получившіе его, необходимо измѣнили бы свое отношеніе къ этому вопросу, подѣ влияніемъ твердо проведеннаго за значительное время закона, и сдѣлались бы въ городскомъ и земскомъ управленіи повсюду, подѣ влияніемъ собственнаго интереса, самыми горячими сторонниками и защитниками дѣла народнаго образованія, непосредственно выгоднаго имъ самимъ. Правда, нѣкоторыя фабрики безусловно бы отпустили всѣхъ малолѣтнихъ и больше не привлекали бы ихъ по временамъ къ работѣ, какъ это дѣлается нынѣ, смотря по конъюктурамъ рабочаго и торговаго рынка, но тѣмъ лучше: благодаря такому влиянію закона, у насъ была бы ббольшая устойчивость и правильность въ распредѣленіи рабочихъ рукъ и высоты технического совершенства многихъ механизмовъ, чего теперь не достигается прямо противно интересамъ самихъ рабочихъ и всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ администраціи. На нѣкоторыхъ, напримѣръ, стеклянныхъ заводахъ у насъ до сихъ поръ еще работаютъ малолѣтніе, на другихъ—такихъ рабочихъ нѣтъ.

3) Третье важное заключеніе, которое можно сдѣлать на основаніи моихъ «Воспоминаній», состоитъ въ томъ, что у насъ, русскихъ, въ нашей государственной политикѣ, въ полное различіе въ этомъ случаѣ отъ старыхъ европейскихъ странъ, особенно какъ Англія и Франція, всегда отсутствуетъ чувство мѣры. Мы, русскіе, представляемъ изъ себя, вѣроятно, большею частью, чрезвычайно экспансивныя, увлекающіяся натуры, и разъ пришли къ необходимости совершенія извѣстной реформы, перемѣны слѣдуютъ быстрымъ шагомъ одна за другой. Мы совершенно забываемъ, что

англичане, напримѣръ, очень хорошо помнятъ, что каждая реформа постолько хороша, поскольку она хорошо осуществлена на практикѣ и приспособлена къ жизни, а вовсе не потому только, что она хорошо задумана и изложена на бумагѣ или красиво выражена въ рѣчи! Въ виду этого нашего свойства, мы всегда спѣшимъ до крайности и тѣмъ уничтожаемъ смыслъ или, по крайней мѣрѣ, портимъ значеніе многихъ нашихъ реформъ. «Отзвонилъ и съ колокольні долой!»—таковъ девизъ всѣхъ нашихъ благоначинаній... У англичанъ первый фабричный законъ прошелъ въ 1802 году, и цѣлое пятидесятилѣтіе, примѣняя русское выраженіе, они толклись на одномъ мѣстѣ, приспособливаясь на разные лады къ урегулированію труда дѣтей, подростковъ и женщинъ, и даже возвращались къ этимъ вопросамъ еще позднѣе. Въ результатъ полустолѣтія работы получилось образцовое фабричное законодательство, пользующееся всеобщимъ уваженіемъ, въ высшей степени практичное, какъ для интересовъ высоко развитой англійской промышленности, такъ и для сохраненія народнаго здравія и поощренія народнаго образованія. Мы же, русскіе, обратно съ англичанами во всѣхъ случаяхъ стремимся поступать какъ дѣти и первымъ дѣломъ стараемся сломать новую игрушку, которую только что получили, — нельзя ли сдѣлать что-нибудь другое получше?! Едва въ 1882 г. завели въ Россіи первый законъ о работѣ малолѣтнихъ, какъ, не приведя его въ исполненіе, не приспособивши къ нему ни администрацію, ни фабрикантовъ, ни самыхъ постановленій (въ значительной степени до сихъ поръ недостающихъ), уже начали искажать и портить его разными вставками и уснащать добавленіями, одно другого важнѣе: напримѣръ, въ 1884 и 1885 гг. приняты ограниченія ночной работы, и затѣмъ немедленно же административнымъ путемъ, посредствомъ телеграммъ, безъ всякой узаконенной публикаціи, срокъ работы былъ измѣненъ и т. д. и т. д. Въ 1886 г., отъ 3 Іюня, прошелъ извѣстный намъ рабочій законъ (о взаимныхъ отношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ), который, обратно съ Англійей, у насъ слить съ фабричнымъ, а вслѣдъ затѣмъ вскорѣ же послѣдовали къ нему разные дополненія и измѣненія безъ всякаго желанія провѣрки его приспособляемости и цѣлесообразности. Не по-

ступаемъ ли мы въ данномъ случаѣ совершенно по-дѣтски?!

4) Я прихожу, наконецъ, къ одному косвенному заключенію, которое не могу обойти молчаніемъ, ибо у многихъ читателей моихъ „Воспоминаній“ самъ собой будетъ напрашиваться извѣстный изъ нихъ выводъ. Навѣрное, многочисленныя темныя стороны нашей фабрично-инспекторской политики и петербургскаго законодательства, здѣсь нарисованныя, многіе готовы будутъ чуть ли не цѣликомъ приписать старому режиму, замѣненному нынѣ, къ благополучію страны, конституціонными формами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такой выводъ какъ-будто напрашивается самъ собой при чтеніи настоящей книги: законы наши де, мало обдуманые, непрактичные, недостаточно взвѣшенные, — подлежатъ вліянію сильно заинтересованной стороны фабрикантовъ и подъ ихъ воздѣйствіемъ искажаются, — канцелярская волокита, бумажная отписка, гдѣ нужно часто живое слово, — все это больше или меньше зависитъ отъ старыхъ формъ нашей государственной жизни, сдаваемыхъ нынѣ въ архивъ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, часть истины (но небольшая) имѣется въ этомъ объясненіи, и мнѣ весьма легко было бы свалить, къ удовольствію моихъ многочисленныхъ друзей и пріятелей изъ „кадетовъ“, все зло и всѣ ошибки и заблужденія нашего фабрично-рабочаго законодательства, такъ же, какъ и несовершенства и самого фабричнаго быта, цѣликомъ на нашу старую государственную форму управленія страной: виновато-де во всемъ „самодержавіе“ — и баста; это такъ же легко и такъ же просто отыскать виновнаго, какъ монаху сослаться на чорта въ извѣстной баснѣ, когда его застали въ постѣ за скоромной пищей!... Къ сожалѣнію, сказать это — значило бы прямо и умышленно солгать, ибо всему есть мѣра и предѣлъ; несомнѣнно, старый режимъ виновенъ во многихъ грѣхахъ и прорухахъ нашего законодательства и нашего быта, но, несомнѣнно, въ то же время, какъ ни важны неблагоприятныя послѣдствія этого режима, многое у насъ въ Россіи шло дурно, идетъ и будетъ идти дурно, не отъ тѣхъ или иныхъ формъ государственнаго правленія (не отрицая ихъ значенія), а отъ свойствъ, нрава и качествъ дѣятелей, т. е. людей, населяющихъ нашу обширную страну. Наши старо-

давнія болѣзни, какъ бюрократизмъ, волокита, неисполненіе закона въ дѣйствительности, бумажное законодательство — встрѣчаются далеко вѣдь не у насъ однихъ. Характеръ чиновничьей организаціи дѣлопроизводства и отношенія правительственныхъ властей къ публикѣ во Французской республикѣ отличались и отличаются не меньшей бюрократичностью, нежели въ русской монархіи, а многозаконіе, т. е. изобиліе законодательныхъ нормъ, самое широкое вмѣшательство въ жизнь и полное притомъ неисполненіе и игнорированіе часто закона встрѣчаются въ великой Американской республикѣ, наперекоръ часто умышленному восхваленію г. Дэйси, гораздо чаще и больше, нежели даже въ нашей „самодержавной“ Россіи *).

Итакъ, не отрицая разнообразнаго и важнаго значенія государственныхъ формъ жизни, но также не впадая, подъ влияніемъ господствующаго нынѣ у насъ революціоннаго угара въ преувеличеніе и возвеличеніе благотворнаго влияния разныхъ конституціонно-демократическихъ формъ до значенія ихъ въ роли какого-то волшебнаго эликсира, цѣлебнаго противъ всѣхъ болѣзней, я прихожу къ твердому заключенію, что формы важны, но люди гораздо важнѣе, т. е. достоинства и цѣлесообразность всякихъ законовъ, въ томъ числѣ и фабричныхъ, и разумное, т. е. выгодное для большинства народа, устройство его быта зависятъ больше отъ качества самихъ людей, нежели отъ государственныхъ формъ; поэтому всегда и всюду надо при обсужденіи хода будущихъ событій и дѣлъ, въ какой бы то ни было странѣ, обращать вниманіе на умственный и нравственный подъемъ массы народа и на его культурность; это — главные фундаментальныя столбы, на которыхъ покоится будущее каждой страны.

*) Профессоръ Schadwell въ своей новѣйшей книгѣ о промышленной производительности труда высказываетъ твердое убѣжденіе, что въ Соединенныхъ Штатахъ не только фабричные законы не соблюдаются во многихъ изъ нихъ, но что инспектора берутъ взятки!... Къ этому онъ добавляетъ, что въ нѣсколькихъ наиболее промышленныхъ изъ штатовъ совершенно не существуютъ законы, регулирующие фабрики, и что нѣтъ даже двухъ штатовъ, которые бы имѣли одни и тѣ же законы (?!).

См. «Industrial Efficiency» by Arthur Chadwell, vol. I, 1906 г., стр. 3, 14 и другія.

Если установленная нами выше исходная точка зрѣнія вѣрна, а для меня лично это не подлежит сомнѣнію, то, озирая умственнымъ окомъ исторію нашей несчастной родины за послѣдніе годы, мы видимъ замѣтное и повсемѣстное одичаніе у насъ нравовъ во всѣхъ классахъ народа, приниженіе и полную пріостановку дѣла народнаго образованія и духовнаго развитія и уничтоженіе плодовъ и безъ того скудной культуры, вмѣсто накопленія ихъ; при видѣ всего этого невольно являются опасенія и страхи за будущую судьбу родины, сжимается сердце и напрашивается тревожный вопросъ: не забыли ли мы, русскіе, и здѣсь чувства мѣры, платя слишкомъ дорого за полученный урокъ и новыя формы государственной жизни??!..
